

Барабан бьёт сбор

Марик Лернер

Сепаратисты

Марик Лернер

Барабан бьет сбор

«Автор»

2013

Лернер М.

Барабан бьет сбор / М. Лернер — «Автор»,
2013 — (Сепаратисты)

Война закончились. И что дальше? Ты как был человек второго сорта, так им и остался. Ордена после демобилизации годятся лишь звенеть перед девками. Денег надолго не хватит. Если ты не один, а с товарищами, то есть масса разных вариантов. Создать банду, например. Но это мелко. Есть вариант поинтереснее. Собственная партия звучит лучше. Почему в королевстве Шиол часть жителей не имеет равных прав? Ответ на самом деле известен. Данные территории когда-то были захвачены и покорены с большой кровью. Прошли столетия, а вы все еще живете в протекторате. На дворе новое время и неплохо бы повернуть его в нужном направлении. Дать цель людям задача нетривиальная. На этом пути одними лозунгами не отделаешься. Будет ложь, кровь и возможна смерть. Никто не может знать, к чему приведут твои действия. Зато приходит момент, и ты понимаешь, дело уже не в одних личных амбициях. Отступить, предав множество людей, нельзя. Наверное, безумие пытаться изменить мир, но только такие и могут добиться успеха.

Содержание

Интерлюдия	5
Глава 1. Демобилизация. 2695 г от ПВХ[1]	6
Интерлюдия	14
Глава 2. Возвращение домой. 2695 г	15
Интерлюдия	24
Глава 3. Семья. 2695 г	25
Интерлюдия	32
Глава 4. Борс Ветров. Оружейник. 2695 г	33
Интерлюдия	40
Глава 5. Макс Геллер. Образованный снайпер. 2695 г	41
Интерлюдия	48
Глава 6. Уна Клейменова. Педагог. 2696 г	49
Интерлюдия	58
Глава 7. Искусство делать деньги. 2696 г	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Марик Лернер Барабан бьет сбор

Интерлюдия

Поздравляю вас, дорогие читатели! Теперь в мире существует не четыре, а пять Великих Держав!

Три года два месяца и четыре дня шла война. Неизвестно осознали ли военные произошедшее, но благодаря корреспондентам нашей газеты подробно освещавшим события, уже можно сделать далеко идущие выводы. Столкнулись два государства, одно из которых по недавней переписи имеет население около 50 миллионов человек, включая протекторат и две колониальные территории, другое – выше 800 миллионов по приблизительным оценкам. По своим грандиозным масштабам – ширине театра военных действий и количеству войск – эта война не имеет аналогов.

И кто победил? Мы знаем ответ. Почему? Интереснейший вопрос!

Как не удивительно, победили не умение офицеров и не героизм солдат. Опыта крупных боевых действий в последние десятилетия не имелось ни у одной стороны. На интересных наблюдениях о новых тенденциях в деле убийства себе подобных в массовом количестве я непременно остановлюсь подробнее в следующей статье. Сейчас важнее иное.

Войну выиграла Шиольская промышленность. Она создала мощный военно-морской и транспортный флот, обеспечила оружием, амуницией и связью армию. Отрыв в количестве продукции от соперника в королевстве превысил два и более раза. Если сравнить еще и на душу населения, нет слов. Это не просто комфортабельная жизнь. Мы присутствуем при открытии новой эры – войны с резко возросшим значением военной техники и экономического потенциала.

«Известия Серкан»

Глава 1. Демобилизация. 2695 г от ПВХ¹

Бум-бум-бум гудел барабан, перекрывая крики. Любой патран, вскакивающий с койки в казарме прекрасно знал мелодию. За подобные штучки недолго и под трибунал, в число военных она не входит и прямо запрещена. Очень простая и с детства знакомая дробь – общий сбор, тревога, к оружию. Во времена восстания Ангуса с барабанов началась резня.

Взбудораженная, недоумевающая толпа солдат выплеснулась наружу и практически сразу растворилась в потоке своих товарищей, рвущемся мимо палаток к зданию караульной роты. Собственно на весь лагерь и было две казармы, для штабников и оружейной роты. Остальные разместились в стандартных брезентовых укрытиях на десяток человек. Все бы ничего, но три месяца в подвешенном состоянии, без ясности о будущем, а для пущего счастья начались дожди. Восемь с лишним тысяч человек давно на взводе и готовы вспыхнуть по любому поводу. Вот он и состоялся.

Бум-бум-бум вторили первому уже не один барабан. Звуки были не слишком четкие, явно использовали нечто жестяное, но дробь все та же. Многие люди в толпе полуодеты, с недоумевающими лицами. Большинство вообще не понимает что происходит, но топают в общей компании. Впрочем, в недоумении люди долго не оставались. Прямо у дверей караульной роты лежит мертвый человек в солдатской форме. Даже не прикрыли, бросили на землю и смылись. Следствие не требуется – все кристально ясно. Следы побоев и кровь даже не прятали. Не первый раз являют свою власть караульщики, но такого раньше не случалось. Окончательно зарвались.

- Справедливости! – орет чей-то голос и толпа взрывается.
- Смерть убийцам!
- Шиольцев на кол!
- К оружию Кланы!
- Злодеев к ответу!
- Выдайте душегубов!

Молоденький лейтенант у ступенек казармы что-то орет, про следствие, суд и виновность. Его не слушают. Там хоть король личной персоной начнет речи толкать, никто и не почешется. Слова ничего не значат, солдатское собрище жаждет крови и первые шеренги продолжают наступать. Лейтенант пытается вытащить револьвер. Его небрежно сметает многорукий и многооногий зверь. Сейчас не существует отдельных людей, все они в едином порыве, не думая над последствиями, действуют.

Многоголовое чудовище непринужденно проходит по телу, превращая его в страшную кровавую массу и ломиться в дверь. Те, внутри, не совсем идиоты и поспешно заперли вход при виде жуткого зрелища гибели своего командира. Толпа, бессмысленно рыча, бьется о препятствие. Из окна выстрелили. Еще раз. Со вскриком упал человек.

Может кого и способно напугать такое поведение, но не прошедших войну и понюхавших пороха солдат из пятой дивизии морской пехоты, прошедших не одно сражение и высадку под огнем противника. Далеко не все оружие отобрали при переводе. Многие имеют трофейные винтовки и револьверы.

Звенят стекла от ответных выстрелов. В окна летят бутылки с горящим керосином и одна за другой несколько гранат. Дверь тоже выбили и врываются внутрь с победным криком. Хищник жаждет крови...

Стен рывком сел на нарах и машинально выругался. Подумал и выдал длинную тираду со смаком, запихав в нее все известные ему фадзийские выражения. Мысленно сплюнул и

¹ От Прихода Великого Холода.

попытался успокоиться. Извлек из портсигара последнюю сигарету и, закурив от зажигалки (и то и другое самоделки из оружейной мастерской, сделанные на заказ в подарок бывшими подчиненными и с красивой гравировкой), принялся пускать дым в зарешеченное окошко.

Если бы это зависело от него, все эти замечательные сны он с удовольствием выкинул бы навсегда, как и кое-что другое, но сделать это не мог при всем желании. Что дается на роду, то дается навсегда и предки не спрашивают твоего желания.

Наверное, в древности прошедший соответствующее обучение мог всерьез пугать своих соседей разными штучками и предсказаниями. Потом храмовники всех мастей долго целенаправленно выбивали такие роды. Ну да горы большие и чужакам подробности редко расскажут. Кое-кто умудрился выжить, хоть и без особых таинственных знаний. Так... Мелочи всякие. Когда королевское правительство при его деде обязало неизвестно из каких соображений всех патранов в течение года обзавестись фамилиями, большинство, не особо мудрствуя, называлось по профессии или местожительству. Портнов к примеру или Синендов от всем известного города, подчеркивая происхождение. Мы мол не забыли откуда род пошел.

Случалось давали фамилию по отцу или матери. Брали имя и превращали в фамилию. Изредка попадались особо заковыристые вроде Буйнова. Наверное, предок выделялся жутко диким нравом. Потом обнаружилась масса случаев, когда родные оказывались под разными фамилиями, не согласовав заранее соответствующие записи. А было и наоборот, как в их деревне, где на двести человек четыре фамилии.

Хвала Солнцу лично его в городе никогда не спрашивали с чего они вдруг Шамановы. Кривошеев звучит заметно хуже, а человек известный. Естественно не всем подряд, но в учебниках про электричество без изоляторов и трансформаторов Кривошеева никак. Он решил возможность передачи тока на дальние расстояния.

Дома-то все и так прекрасно в курсе. А причина была и не слишком приятная. Хотя как посмотреть. Пока на костер не суют, а в нынешние просвещенные времена с этим обстоит нормально, в пыточную по одному подозрению волочь не станут – жить можно. Оно не у всех в роду проявлялось и исключительно по мужской линии, однако когда выяснилось в детстве про иные его способности, отец кое-чему научил. Особенно оглядке. Чем меньше знают окружающие об его умениях, тем лучше. Реклама совсем не к чему. Контролировать он как сейчас со сном не способен и по заказу ничего не выйдет.

Вот что толку, что сны у него случаются вещие? Это сегодня была часть вторая, хотя хронологически первая должна быть. Вечно никакого порядка с этими дурными предсказаниями. Нет бы все подробненько, да с четкими подсказками. Это не делай, а тут соломки подстели. Нет. Ни разу так не повезло. Постоянно общая невразумительная картина без конкретной даты. Может завтра, а может и через год.

Хорошо, что ученый, не впервые и выводы научен делать заранее. Выбора и не было. Сцена расстрела артиллерией взбунтовавшихся солдат ему крайне не понравилась. Привязка к местности четкая, тут не ошибешься. Знакомое место. И лица мелькали вполне узнаваемые. Уж своих подчиненных он ни с кем не спутает, да и вообще память цепкая и если пересекался где, редко забудет.

А причина бунта не ясна. Вот теперь, почти через две недели и всплыла. Когда уже без надобности. Крутись! Предотвращай заранее неизвестно что. А то ведь и тебя осколком запросто. За компанию, хоть сорок раз лоялен. И дезертировать заранее, чтобы избежать бунта не станешь. Не так воспитан.

Ха! Выкрутился. И никому ведь не объяснишь – все могло быть гораздо хуже. Десятки убитых, сотни раненых и сомнительные последствия. Этого никогда не было и уже точно не случится. Потому что он все чисто проделал. Почти, да не совсем. Не головой подумал – кровь взыграла. Ну да на полное счастье он с детства не рассчитывал. Давно доверчивость с наив-

ностью испарились. Хотя… гордиться особо нечем. Пойти добровольцем изрядная глупость и могла плохо закончиться. Пронесло.

Опыт войны – страшное испытание, зато и на окружающий мир, на людей, на человеческие мотивы совсем по-другому смотришь. Не лишене это. Полезно на будущее. Ему не требуются пророческие видения и так ясно – пригодится. Сохранять самообладание в критической ситуации, брать на себя ответственность, принимая решения самостоятельно, а не оглядываясь на начальство, выслушивать мнение нижестоящих, не отмахиваясь, даже если они в школе не учились. И беречь людей, притом, что иногда частью приходится жертвовать в интересах большинства. Ни в каком университете не дадут подобных знаний. Они добываются кровью. И не в переносном смысле. Реально.

В дверях заскряжал ключ и Стен поспешил выкинуть загашенный окурок в окошко. Мастер-сержант Финли вошел и внутри камеры сразу стало не хватать места. Ему бы грузчиком трудиться, а не в военной полиции. Рост под два метра и плечи соответствующего размера. Мундир подобрать под эти габариты та еще работенка для каптерщика. Да и руки длиннющие и страшно мохнатые. Натуральная горилла еще и с мощными усами. Финли их старательно холил, лелеял и страшно гордился.

– Собирайся, – приказал. – Посетитель явился.

– Кто?

Финли не отвечая, демонстративно втянул носом воздух и грустно закатил глаза, ничего не сказав. И так все ясно. Наглое нарушение условий содержаний. Собственно и спать было не положено днем, да и отобрать должны были при посадке имущество. Никакие сигареты и уж тем более зажигалки не разрешены. А взбредет в голову задержанному подпалить казенный тюфяк или стены??!

– Спасибо, – искренне сказал Стен, поправляя измятую форму. Ремня не имелось – это все-таки забрали. Либерализм охранников имел определенные границы. – Отдохнул спокойно.

Финли понял и с достоинством кивнул.

– Разве ж мы без разуменья? Одно дело пакостники уголовные, другое выпимши кто и совсем иначе… хм… пострадавший за общество. За товарищей.

При всем своем пугающем виде мастер-сержант был не глуп и справедлив. К сидельцам относился не согласно должности и звания, а исключительно по совершенным делам. И происхождение с верой его ни капли не волновали. Если уж арестованному прилетали тумаки, так за дело и никогда из-за плохого настроения. Финли был пугающе уравновешен и жутко спокоен. Оно и к лучшему. Такой если двинет сгоряча, голова запросто оторвется и улетит очень далеко.

Они остановились у двери в канцелярию и, получив разрешающий кивок, Стен нажал ручку. Финли остался снаружи. Не то охранять, не то из деликатности.

Шагнув внутрь Стен поспешил содрал с головы фуражку и старательно выпучивая глаза, взревел:

– Лейтенант Шаманов прибыл!

Бригадный генерал Бакли невозмутимо кивнул с высоты своего почти двух локтевого роста и показал на стул.

– Садись!

Покачал головой, рассматривая человека, на которого возлагал серьезные надежды, чувствуя себя виноватым перед ним.

Высокий темный шатен, что практически стандартно для патранов. Рыжие, брюнеты тоже попадались, но гораздо реже. Не особо мускулистый с виду, но жилистый и выносливый с широкими плечами и считающейся признаком твердого характера квадратной челюстью.

Способный. Он схватывал идеи на лету, не стесняясь спрашивать у компетентных людей и любую новинку моментально пускал в дело, нередко улучшая ее. При этом имел опыт работы руками, но и голова прекрасно соображала. Да и язык неплохо подвешен и ошарашивал не

ожидающего неожиданно звучным басом, перекрывая любые крики и стрельбу. Мог выйти прекрасный офицер высокого ранга, однако, не в данном случае.

Сам Юарт Бакли по общему мнению был очень странным типом. Вывести его из себя еще никому не удалось. При этом происходил он по материнской линии от вошедшего в анекдоты необузданностью нрава клана ухтаров и переехавшего из метрополии в Синенд лет сто назад подозрительного типа с большим облегчением отправленного родственниками в протекторат от вполне вероятной тюрьмы.

Своих потомков предок наградил изрядной склонностью к авантюризму и нелюбовью к законам, помогшим им неплохо жить. Однако от засухи и падежа скота никто не гарантирован и отец Юарта разорился. До нищенства их семье было далеко, но общеобразовательная школа и работа клерка в конторе молодого человека абсолютно не устраивали.

При первой возможности он поступил в военное училище, угодив в очередной тупик. Выше капитана ему ничего не светило, королевство Шиол натужно перевариво захваченные ранее на юге Черного континента богатые территории и воевать в ближайшее время не стремилось, а уже появилась жена и двое детей. Он хотел делать карьеру, но толкаться локтями в приемных высокого начальства Бакли претило. И здесь очень удачно решили проявить характер желтозадые. Подумаешь, морских котиков с китами в чужих водах шиольские корабли били и контрабандой занимались. За три года на четыре звания вырос. И за дело.

Пятая дивизия морской пехоты была сформирована практически с нуля и третий батальон, на который его назначили, всегда был лучше обучен, экипирован и действовал достаточно уверено даже на первых порах, не смотря на то, что две трети личного состава не имели опыта. Ничего не дается даром. Если бы в свое время не пошел двухлетний курс обучения в штабном колледже, так бы и остался капитаном в захолустном гарнизоне. А в сложный момент про перспективного вспомнили. До войны штабное училище было дозволено пройти разве что пол-десятку человек из каждого пехотного полка.

Он был суровым и бесцеремонным по характеру, не пользовался любовью ни солдат, ни офицеров, однако сменить его на другого подчиненные вряд ли бы пожелали. Молниеносно вникал в суть проблемы, от организации до тактики. У него имелся ответ уже тогда, когда вопрос только возникал, а многие все еще мучительно обдумывали факты. Бакли выполнял свою работу с наименьшими потерями и хорошими результатами. Это видели не только низшие, но и начальство. В конце концов, был назначен на должность начальника штаба корпуса морской пехоты и неплохо проявил себя, отвечая последний год за жизнедеятельность корпуса во всех его проявлениях.

— Что ты натворил лейтенант-коменддор Шаманов? — спросил Бакли. В обычно монотонном голосе отчетливо прозвучало негодование. Стен не особо удивился. Так подгадить по дружбе!

Знакомы они были еще со времен формирования дивизии. Все его повышения в должности и награды шли через будущего генерала и при его активном участии. Стен точно знал о желании Бакли видеть его в гораздо более высоком чине. Не за красивые глаза или умение гладко говорить.

К началу большой войны никто не сомневался в необходимости пулеметов. Колониальные войны малого масштаба дали определенный опыт. В теории батальон по новому уставу располагал двумя пулеметами. Орудия монтировались на колесных лафетах с передками. Если пулемет сопровождал конницу, использовалась упряжка из четырех лошадей.

Практически, хотя от перегрева ствола удалось избавиться, заключив ствол в толстый кожух, внутрь которого заливалась вода, игравшая роль охладителя, военные остались недовольны. Пулемет из-за этого заметно потяжелел, зато мог теперь долго вести стрельбу длинными очередями. Тяжелые станковые пулеметы не имели необходимой на поле боя быстроты

перемещения и военное министерство крайне смущало бездарно расстреливаемое количество боеприпасов.

На всю дивизию было выделено двадцать четыре пулемета «Остин». Два на батальон. Восемнадцать с лишним тысяч человек, пять с половиной тысяч лошадей, 76 артиллерийских орудий и всего 24 пулемета, с которыми мало кто умел обращаться.

Солдаты не проходили специальной подготовки по обращению с ними. Офицер-пулемётчик полка и сержант пулемётного отделения были теми специалистами, которые обучали некоторых бойцов использованию полковых пушек. Именно так. Пулеметы и по весу и по огневой мощи в те времена относились к артиллерийским частям.

По довоенному штату расчет одного пулемета – офицер и 12 военнослужащих сержантского и рядового состава. Особенно это забавно было вспоминать под конец, когда в каждой роте насчитывалось шесть, а число обслуживающих военнослужащих сократилось до трех на один ствол. Но в тот момент пулеметные команды были собирающим неумех.

Когда среди новобранцев обнаружился человек не просто что-то там смутно понимающий, а обладающий опытом починки и практической стрельбы, способный для наглядности разрезать ствол дерева очередью и исправить перекос патрона, Бакли моментально назначил Стена мастер-комендором пулеметной команды. Для вчерашнего рядового высшая сержантская должность совсем не плохо.

Офицер не прогадал. Материальная часть всегда находилась на высшем уровне, а во время высадки на остров Лахти пулеметная команда несколько часов удерживала плацдарм, прикрывая выгрузку с кораблей подразделений дивизии. Опыт удачного применения автоматического оружия был впечатляющий, как и трехмесячные бои в окружении годом позже. Без заранее выкопанных укрытий и созданного по предложению Шаманова пулеметного кулака отрезанный полк непременно бы уничтожили.

Именно благодаря Бакли был создан Сводный отряд тяжелого вооружения под командованием Стена, включающим пулеметную роту (двадцать штук), две артиллерийских батареи, автобронированный отряд из трех пулеметных самодвижущихся машин, прикрытых листами металла, саперную роту и части обеспечения. Им придали собранные отовсюду грузовые, легковые машины разнообразного назначения, вроде санитарной или с легкой артустановкой, а также велосипеды для мобильности разведчиков.

По результатам массированного применения автоматического оружия в боях и опыта отряда впоследствии сформировали роты пулеметчиков в составе полков. Неофициально Стен занимал пост Главнокомандующего Пулеметных Войск, что никак не отразилось ни на звании, ни жаловании. Зато давало широкую известность в Корпусе Морской пехоты и множество разнообразных знакомств во всех слоях военного общества, включая армейские и флотские.

Можно сказать замечательная карьера, если бы он так навсегда и не застыл в звании лейтенант-комендора, командуя фактически усиленным батальоном по численности. И даже «Военно-морской» и «За боевые заслуги» ордена не утешали. К концу третьего года пулеметы использовались уже массово, но у истоков применения в новых условиях стоял Корпус, Бакли и лично он – Шаманов. Даже наставления соответствующие писал и по ним обучались. А результат?

– Я пресек очень высокую вероятность мятежа, – без особого вызова сказал Стен. – Задержка с демобилизацией сильно ударила по дисциплине. Официально отбой объявлялся в 21:30. На деле же каждую ночь солдаты и офицеры шатались неизвестно где до самого утра. Однако это еще не причина избивать пойманых в самоволке до смерти. Это не просто нарушение любых инструкций, это прямой путь к большой крови. В караульной роте не имелось ни одного патрана и капитан Гриффин хорошо известен своими замечательными взглядами. Не первый случай, хотите фамилии трех умерших от побоев раньше назову?

– Все это так, – кивнул генерал, – и именно поэтому ты поступил правильно. Он скривился. – До убийства пресловутого капитана Гриффина!

– Я просто дал ему пистолет с одним патроном. Он предпочел честь позорномуувольнению и трибуналу.

Бакли неприятно хохотнул. Он сам писал в характеристике: «лейтенант-коменддор Шаманов всякий раз предпринимал своевременные действия и проявил себя как офицер с исключительно ценным качеством – принимать безошибочные решения». Есть одна существенная разница. До сих пор он это делал в отношении вооруженного врага. Наводит на противнейшие мысли.

– Ты это кому другому расскажи. Честь у этого... так называемого офицера. Он на фронте-то ни разу не был. Дважды больным сказался. Этот сержант, заявивший при свидетелях, что у него был приказ и капитан требовал бить дальше... Да под штыком еще не то скажут, а уж адвокатов бы хватило. Кто его отец знаешь? Большая шишка в министерстве торговли. Какой трибунал!!!! За все расплатились бы двое-трое рядовых из караульной роты. Все!

Ну вот ты сам все и сказал, подумал Стен, слушая с внимательным лицом и почтительно кивая. Капитану все бы сошло с рук. А расплачиваться пришлось бы солдатам. В моем сне сотням. В реальности всего нескольким, но ведь Гриффин и в дальнейшем, чувствуя безнаказанность, непременно бы продолжал издеваться над людьми. Не в армии, так на гражданке. Нет, ему самая дорога на суд Божий и пусть провалится в вечный Мрак. Надеюсь, за такого скота парочка грехов и мне спишется после смерти.

– Он хоть и сволочь, но патологический трус и наверняка стреляться бы не стал. Все это знают! – генерал уже практически кричал.

– Видимо все знали и про его садистские развлечения, – не удержавшись, пробормотал Стен.

В пьесах это называется «реплика в сторону». Специально для публики и вроде не требует ответа собеседника. Но то в литературе. В жизни генералы не любят когда их перебивают. Правда Бакли в очередной раз продемонстрировал высокое самообладание и не взорвался. Замолчал и тяжко вздохнув, швырнул через стол в руки лейтенанту документы.

– То есть суда не будет, – обнаружив, что отныне он абсолютно гражданский человек, подытожил Стен.

Без особого удивления зафиксировал в бумагах сержантскую пенсию. Поскольку тянуть армейскую лямку в дальнейшем он не собирался, скардное королевское правительство заочно поотрывало звездочки на погонах. В бумагах он оставался офицером запаса на случай еще одной войны, зато платить из государственного бюджета слишком много не требуется.

Обычно у демобилизовавшихся слетали два звания. Сержантов данная практика касалась не всегда. Им все одно пенсии положены через пятнадцать лет доблестной службы, а кто раньше демобилизовался – шиш. Пусть гордятся полосками на погонах.

Неплохая экономия для бюджета по нынешним временам – десятки тысяч людей получат намного меньше. На офицерскую пенсию Стен и не рассчитывал, а на сержантский прощальный подарок от королевства можно максимально неделю прилично выпить. Если самогон. Зато инвалидам армии звания нерезали и пенсию платили полностью. Хвала Солнцу ему такой льготы не требовалось.

– Решили грязь на общественное рассмотрение не выносить, – подытожил впечатление от бумаг.

– Можешь высказаться на прощанье, – брюзгливо предложил генерал. – Больше ничего для тебя сделать не могу.

– Почему бы и нет? Я всегда говорил правду в глаза начальству, за что и не пользовался любовью и в отчётах отражал факты, ничем их не приукрашивая. Или ты пытаешься угодить начальнику и непременно завалишь дело, подстраиваясь под его мнение, или прямо говоришь,

как все на самом деле, не приукрашивая. Это часто не слишком приятно, зато полезно, если командир не дурак.

– Большое спасибо. Уж в этом смысле ты не стеснялся, даже не будучи офицером. Неоднократно поступал вопреки прямым приказам, изображая неполучение указаний или вообще без всякого стеснения нарушил. Никакого питета, кто кроме тебя способен в лицо командиру полка заявить, что тот идиот?

– Слушать правду выгодно, – убежденно заявил Стен. – Человек имеет правильную картину происходящего и это касается не только армейской жизни. Хотя реально не всегда приятно и выполнимо. Я все-таки не совсем сумасшедший лезть к генералам с нравоучениями.

– Хм?

– Высшее командование Корпуса наверняка не хотело серьезного разбора случившегося. Я хоть какой, но офицер. Рот не закроешь. А то еще начнутся речи и не очень приятные сравнения в положении двух основных народов проживающих в нашем замечательном королевстве.

– Где ты видел народ на острове? – не выдержал Бакли. – Патраны народ?! Пять племен, почти полуторы сотни кланов, из которых не меньше трети образовались не от коренного населения, а от пришлых, включая пиратов и самых разнообразных захватчиков.

– Да! Три волны пришельцев с Шиола. Корабли, неоднократно пришедшие с севера, запада и востока. С материков и островов. В поисках удобных земель, спасаясь от холода и врагов. Сотни лет мы варились в одном котле, превращаясь в единый народ. Иногда пришельцы вторгались с целью захвата, случалось склоняли шею в надежде на новую жизнь. Тем не менее, мы давно все составляем одно общество. С общей культурой и кровным родством.

– И без своего языка.

– Ну не надо, да! Вы все-таки из Синенда. Это посторонним можно рассказывать. Всем местным прекрасно известно – первая волна переселенцев из Шиола пришла во время Мрака и Холода и практически полностью вырезала аборигенов, совсем немногих ассимилировали. От первоначальных жителей остались частично названия и десяток слов. Неудивительна близость нашего языка с современным шиольским. С трудом, но понять и сегодня можно. В горах еще сохранился крэльский. А в школах давненько учат язык метрополии, считая его эталонным.

Он откровенно усмехнулся.

– На самом деле это крэльский сохранился достаточно чистым и понимающие речь способны читать древние рукописи без особых затруднений. Конечно, языки развиваются и заимствуют слова из других, но в данном случае – это целенаправленная политика королевского правительства. Не мы утеряли язык, нас его лишили сознательно. Мы с самого начала были близки и по языку, и по крови, и по воспитанию с метрополией. На данном фоне дискrimинация особенно обидна и вызывает резкий протест.

Кто считает себя патраном – им и является. Вне зависимости от цвета волос, кожи или даже религии. Потому что это не выгодно. Патраны в стране второй сорт, но мы не исчезаем, а растем в численности. И королевское правительство об этом прекрасно знает и старается не дать подняться. Мы, люди острова Патра, второе столетие живем при явном и демонстративном неравноправии. Даже эмигрировать в метрополию запрещено. Набирают рабочих по контракту на определенный срок и живут они в скотских условиях. А кто недоволен и смеет возмущаться – высылка или каторга. Приходилось видеть, когда проходил практику на заводе в Литгоу.

Я закончил Инженерный факультет университета в Синенде. Говорю на правильном шиольском и пошел на войну добровольцем. В надежде, между прочим, на полноценное гражданство. И даже при моем близком знакомстве с генералом, – он показал рукой на собеседника, – наградах и отсутствии любых нареканий по служебной линии (сплошные благодарности), я Шаманов из племени Бетинов, из Клана Чипоте. Неумытый горец не из офицерского королевского клуба. Мне в нем не место и отношение всегда будет предвзятым по одной един-

ственной причине – происхождение. Заслуги побоку, всегда под подозрением в отсутствии восторженного образа мыслей. Прекрасно знаю про то, как минимум дважды зарезали повышение в штабе Корпуса. Звание старше лейтенанта, когда бывшие подчиненные уже в майорских погонах ходят, мне не положено, а вернуться в сержанты для продолжения службы после сокращения армии – извините. Придется начать с новой страницы.

– И где?

– Лучше всего в политике. Одна беда, прогрессисты разочаровали, популисты еще хуже. Хотя вина обеих партий в неисполнении обещаний не столь велика.

– Злодеи с метрополии.

– А что плохого в их идеях для королевства? Движение популистов ставило целью улучшение условий жизни всех. Прогрессисты хотели добиться равенства в политической системе. Они также надеялись добиться большей демократизации в экономической системе. Те, кто владеет природными ресурсами страны, говорили лидеры движения, должны поделиться частью своего богатства с теми, кому меньше повезло. С чего это наше богатство уходит в другие края? Это Шиол давит любые реформы, ставя нас на уровень колонии. А то вы не знаете!

– В националисты иди, – хмуро подсказал Бакли. – В пивных распинаться о величии патранов. Одна беда. Рано или поздно будет кровь. Никто не даст независимости острову. Ни одно правительство.

– Кровь всегда бывает. Она вроде смазки в механизме движения вперед общества. Задача ее минимизировать. Для этого действовать необходимо постепенно. Никаких восстаний. Глава государства – король при внутреннем самоуправлении без подчинения во внутренней и внешней политике.

– У тебя даже программа действий имеется? – брови генерала поползли в изумлении вверх.

– Наброски, – сознался Стен. – Было время подумать и определиться. Три месяца в ожидании отправки домой. Да и тюрьма очень способствуют работе воображения.

– Смотри, – предупредил Бакли, поднимаясь, – не хотелось бы встретиться в бою, когда Корпус бросят на подавление восстания. Почему-то всегда замечательные идеи приводят к восстаниям и массовым казням.

– Мне тоже не хочется воевать со своими бывшими товарищами. Иногда приходится драться помимо желания. Гриффины слов не понимают.

– Да! – вспомнил Бакли уже в дверях. Где этот самый Чипоте находится? Ведь должна быть у Клана земля?

– Я горец не в шутку, – пожимая плечами, ответил Шаманов. – Срединный хребет. Не сильно широкая долина среди заросших лесами гор, куда нормальной дороги отроду не было. Там множество пещер, две небольших речки и совсем немного плодородной земли. Вечно живут впроголодь. Правда слегка охотятся, но это не для доходов, а для еды. Даже у немногих сохранившихся патранских аристократов не конфисковывали владения. За полной бесперспективностью на них разбогатеть. Места красивые и жутко бедные. Это на самом краю района Биронге и наши уходят работать на шахты добывать уголь, железную руду. Несколько десятков лиг в сторону и антрацита сколько угодно, а у нас сплошные камни под ногами. Вот и разбредаются потихоньку из родных мест. Еще на сталелитейные заводы Хоупа многие поступают. А что?

– Чтобы знать, где тебя ловить, – очень серьезно ответил генерал. – Когда награду король за голову борца за независимость назначит.

– Ха! Да поставить на перевале парочку пулеметов и дивизия не пройдет! – уже в закрытую дверь сообщил Стен. – Лучше нам действительно не встречаться в бою.

Интерлюдия

Архипелаг Патра состоит из более двухсот больших и малых островов, большинство из которых необитаемо. Главный в архипелаге остров Патра вытянут с севера на юг почти на две тысячи лиг. Самое широкое место 914 лиги. Наиболее узкое – 652. Из-за большой длины суши климат меняются от субтропического на севере до прохладного умеренного на юге.

Вдоль острова с севера на юг тянутся Скалистые горы. Более сорока вершин выше 3000 локтей над уровнем моря. Еще 235 достигают 2200 локтей. Три взаимосвязанных хребта защищают восточное побережье от регулярно дующих сильных западных ветров. Отсюда и гораздо более плотное заселение восточных территорий. Тамошние равнины практически полностью заняты сельскохозяйственными угодьями.

Патра изолирована от других островов и материков большими морскими расстояниями. До Шиола 1600 лиг. До островов Бандула 8700 лиг, материк Чака 2300 лиг.

Географический справочник.

Глава 2. Возвращение домой. 2695 г

Блэр тщательно изучил сухарь, по твердости превосходящий кирпич, стряхнул с него крошки, налипшие в кармане, и с довольным выражением откусил кусок. Зубы у Садова были замечательные. Крепкие и только слегка желтоватого цвета. При необходимости способные перекусить проволоку. Так он, во всяком случае, утверждал. Кусачки, тем не менее, не выбрасывал и прочий шанцевый инструмент, положенный саперу рачительно прибрал и вез домой. Даже пилу с ломом.

Квартирмейстер в его обездоленной роте наверняка рыдал горькими слезами, обнаружив задним числом серьезную недостачу всевозможных инструментов и материальных ценностей. И это еще без учета ручных гранат. Их Блэр тоже не доверил хранить складу, а на недоуменные вопросы отмахивался.

Пистолеты, револьверы, даже винтовки и всевозможные экзотические клинки в качестве трофеев тащили домой многие, но заявить о своей любви к рыбалке при помощи взрывов Садов додумался первым. Так или иначе, любое добро пригодится.

Лайс покосился на него, в конце концов, продукты по старой дружбе у них были общие, однако требовать свою долю не стал. Не настолько он голодный. Когда-то первые солдатские навыки они получали вместе, затем дороги не сильно разошлись, оба остались в Сводном отряде, в различных подразделениях. Ничего удивительного. Лейтенант-коменддор Шаманов старых товарищей, если они с руками и мозгами постоянно тащил за собой.

Кому доверять ответственное дело, как не своим, давно и со всех сторон проверенным? А что Лайс Рудов угодил в морпехи не достигнув положенного для добровольцев возраста и среди сержантской компании был самым молодым, роли не играло. Податься, он всегда был не прочь, от пули не бегал, а с любой техникой умел обращаться. Требуется починить пулемет или двигатель любого вида, снять мину или помочь чем угодно – пожалуйста!

Садов замечательно понял зырканье и с тяжким вздохом продолжил жевать. Обязательно ведь потом напомнит, что не предложил. За прошедшие годы невольно выучишь привычки товарища. В этом углу трюма собрались давно знакомые люди, привыкшие делиться хорошим и плохим. Не один раз в своем кругу решали серьезные проблемы без привлечения ответственных лиц. Мало ли командир – офицер. Хозяин в роте сержант. Без него ничего не происходит. И не должно происходить.

В армии, морской пехоте и флоте Шиола так принято изначально. Офицер-аристократ купивший патент на звание обычно делами своего подразделения не утруждался. Он искренне полагал, что у него только один долг: во время боя вести своих людей против неприятеля и показывать им пример храбрости. Умение руководитьвойсковой частью, не входит в его обязанности. А смотреть за своими людьми, следить за их потребностями – это ему никогда и в голову не приходило.

Для того и существовали сержанты, занимавшие промежуточное положение между рядовыми из которых они выбирались и офицерами. Те уходили и приходили, а сержанты продолжали тянуть лямку ответственности. С большой властью в отсутствии хозяина, с увеличенным по сравнению с нижними чинами жалованьем, нередко с огромным практическим опытом и часто не желающими знать другую жизнь. Этой они отдавали даже не годы, а десятки лет. Высшей должностью был сержант-майор в части. С ним считались и офицеры, а жалование получал наравне с первым лейтенантом.

Новые времена настали больше четверти века назад, но общая схема вооруженных сил не изменилась. Просто теперь офицеры заканчивали училища и частенько много о себе понимали. Нет, там давали массу теоретических знаний от экономической географии до математики, но какое отношение эти сведения имели к практической жизни роты? Сержанты неизменно про-

должали руководить. Когда явно, когда исподтишка. Очень многое зависело от командира подразделения и его готовности узнать не только теорию, но и практику армейской жизни.

Война многое поменяла. Первоначальный контракт три года и только после этого рядовой имеет право претендовать на повышение. А достоин ли он, его решает совет сержантов, единственная инстанция, определяющая соответствие заслуг для получения нашивок на рукав и полосок на погоны. Мнение офицера никто не спрашивает. Конечно, реально в жизни случается всякое и иной раз на должность попадают отнюдь не замечательные во всех отношениях экземпляры, но в целом система работает очень давно и продуктивно.

Четвертая и пятая дивизия морской пехоты набирались с пустого места и Шаманов не один прыгнул из рядовых не обученных сначала в мастер-сержанты, а потом и в офицеры. Правда больше из патранов никому звездочки не прилетели, да и основная масса имела не больше четырех классов школьного образования, но прецедент случился. А Стен, в отличие от многих других, старых товарищей не игнорировал. Не стесняясь, протаскивал на должности и пару раз, не церемонясь, потребовал от совета сержанта убрать неправляющихся с обязанностями. Дружба – дружбой, а служба – службой. Война не место для неумех, даже если они из твоего Клана или старые знакомые. За ошибки в бою платят кровью. Не только подчиненных, своей также вероятно.

И сейчас в трюме присутствовал в своем сокращенном составе бывший совет сержантов Сводного отряда. Естественно не все. Часть уже отправилась раньше домой, Вулканов все еще находился в госпитале, троих отправили другим транспортом. Тем не менее, представители от всех подразделений присутствовали. Неофициальный круг собрался в последний раз на зов своего командира.

– Что читаем? – бесцеремонно хапнув тоненькую брошюру, поинтересовался мастер-сержант Пастухов. Поморщился и торопливо вернулся на койку Стена.

Лайс глянул ему через плечо и прочитал для всех заголовок. Уж больно название занимательное: «Экономика, цены и производство». Таран Пастухов был замечательный разведчик и стрелок, вот только сложных материй не любил, именуя их всем скопом без различия мере-хлюндиями. Что он подразумевал под этим словом, скорее всего и сам не подозревал. Все ему лично для приятной жизни ненужное. Вот если бы книжка была с картинками, а на рисунках голые бабы! Совсем другое дело!

– Слайн дал, – объяснил Шаманов, имея в виду всем прекрасного знакомого капитана медицинской службы из госпиталя. – Занимательное чтение. Только активное участие государства в экономической жизни страны...

– Ха, – подозрительно сказал уже бывший артиллерист Быстров. Он был страшно образован, семь классов и до армии трудился в лавке своего отца. Слово экономика понимал без перевода, как и вмешательство со стороны государства. – Опять налоги!

– Наоборот, – с воодушевлением воскликнул еще находящийся под впечатлением прочитанного Стен. – Если растут доходы, растет и откладываемая на черный день сумма. Так?

– Ну, да, – после паузы согласился Быстров. Вроде подвох отсутствует.

– Получается, спрос уменьшается, – Стен пустил по кругу портсигар и все по очереди взяли, не чинясь по сигарете. В трюме и без них было накурено и воняло застарелым мужским потом, оружейной смазкой и это еще не самое худшее. Сейчас они ученые, всех подозрительных быстро отправили на палубу, а в первый раз, отправляясь с родного острова, от качки многих непривычных рвало прямо по месту отдыха. – Раз не требуется, заводы и фабрики (он намеренно старался упростить термины) уменьшается. Сокращение количества товаров и услуг...

Садов слушал, открыв рот и наморщив лоб, пытаясь найти очередную гадость. Дураком он не был. Тупые сержантами не становятся. Нудные и придирчивые – да. Новомодные научные теории всегда приводили к проблемам.

– …ведёт к разорению мелких предпринимателей. Начинаются увольнения работников и количество имеющих деньги еще уменьшается. Так, Глен?

Быстров согласно кивнул:

– Безработица и нищета. И мы, торговцы, бесконечно в долг давать не можем. Товар покупать необходимо, а город словам не верит. Массовые увольнения это пропасть для мелких торговцев и фабрик. А если кризис затянется, как последний и крупным грозят проблемы.

Стен прикинул надо ли объяснять про естественный процент безработицы и его необходимость и мысленно скривился. Очень актуально прозвучит. Они все как раз в свободном плаванье и если он работу непременно найдет, так или иначе, то далеко не каждый на этом корабле сможет. И это при том что первые наборы тщательно поверяли на физическое и умственное здоровье. Даже позднейшие пополнения морской пехоты по своим данным превосходили обычную пехтуру. Ни хлюпиков, ни откровенных дураков среди морпехов не случалось. Крепкие среднего роста парни, похожие один на другого телосложением и уровнем развития. В основной массе уроженцы сельской местности, привлеченные возможностью неплохо заработать, но попадались и жители городских трущоб.

В мирное время оклад солдата и моряка рассчитывался исходя из стоимости пайка и жилья, которую среднестатистический рабочий получал в виде зарплаты. Крестьяне на Патре получали в год от 800 до 1500 «корон» на человека в семью. Средняя зарплата в 1100 «корон» рядовому (а нет на свете, не надеющихся получить повышение) манила очень многих. В военное подсчитала еще на четыре сотни. Убьют? Так на роду написано. Удача отвернулась, кто ж виноват. Зато выживший привозил достаточно денег. Изначально они были обязаны подписать заявление, по которому соглашались направлять не менее 2/5 оклада за службу в действующей армии своей семьи. Иногда и одиночки отправляли в банк по тому же принципу. Пригодится после ухода на дембель.

– И где выход? – не столько ради ответа, сколько прервать затянувшуюся паузу спросил Лайс. Не требовалось особого ума, чтобы сообразить – замкнутый круг и речь идет не об абстракциях, а о происходящем сейчас. Война закончилась, спрос на многие виды продукции упал. Да еще наверняка жратву повезут из новообретенных земель. Рис там точно дешевле и его много. Как бы фермерам сильно весело не стало.

– Общественные работы и бюджетное финансирование, – объяснил Шаманов.

– Чего? – изумился Блэр.

– Если государство закажет и оплатит серьезный заказ – это непременно приведет к дополнительному найму рабочей силы со стороны фирм получивших предложение. Безработные получат свое жалование за труд, смогут снова обращаться за покупками в магазины и повысятся заказы уже на другие товары. Ну как во время войны. Требовалось больше формы, оружия и еды. А это давало возможность людям заработать.

– Мои даже при росте цен зарабатывали почти в два раза больше довоенного, – сообщил с гордостью единственный среди собравшихся профессиональный скотовод Кирэн Дубравин.

Его семья выращивала овец и получала неплохой доход на разведении лошадей. Не конский завод, тем не менее, производители породистые и понимающим известны. С чего парня понесло в армию, многие не могли понять и подозревали разные нехорошие вещи. Ничего криминального за ним не числилось. Стен знал точно. Личные дела на большинство своих солдат, став офицером, он просматривал по должности. Про всех редко упомнишь, но ближайший контингент не знать глупо. Вот на Максе, Таране и Лайсе висело, недаром они на войну загремели. Впрочем, в официальную бумагу в канцелярии попадало, если уж до полиции дошло. Иногда все решалось без судов, но Кирэн явно не из таких.

– И чего оно оплатит? Правительство. Новые шахты, когда на старых добыча не прекращена? А дополнительный уголь куда девать, в море? – скептически поинтересовался Быстров. – Если продать некому. Купить, допустим, государство купило, страсть сколько. За границей

дешевле обойдется, а здешним и вовсе ни к чему. Своего хватает. Деньги-то не с неба свалились, опять налоги. Значит за мои «короны» да купят бесполезный товар. Считай выбросили.

– Почему уголь? – удивился Шаманов. – Нет. Можно ведь строить дороги, больницы, школы, новые ветки железной дороги, гидро- или теплоэлектростанции.

– Электричество – это хорошо, – глубокомысленно сообщил Таран.

– Да мало ли! Открыть завод по производству грузовиков. И намного проще жить станет даже простому человеку. Легче перевозить грузы, ближе станет рынок и не потребуется перекупщик.

Лайс скептически ухмыльнулся. Он имел собственный огромный опыт возни с данным видом транспорта в полевых условиях. Слишком дорогое удовольствие для нормальных людей и каждые сто лиг (ладно чуток позднее) обслуживание требуют. Это в лучшем случае. А то сломается посреди поля и не вытащишь.

– А там потребуются заправки, ремонтные мастерские, опять же дороги, грузчики, водители, диспетчеры, производители масла, бензина, запчастей! Кто-то строит, кто-то работает. Больше автотранспорта – больше работы и людей занятых трудом.

А вот с этим он готов согласиться. Лично для него – Лайса Рудова, вариант удачный. Всегда при деле.

– Чем плохо? – риторически спросил Шаманов, уверенный в ответе.

– Лет десять назад, – негромко сообщил Макс Геллер, – старый хозяин в нашем Клане помер.

В компании он выделялся смуглой кожей, никого из патранов не удивлявшей. Клан грухов, откуда он происходил, был один из двух оставшихся горских, ведущих свое происхождение от далеких аборигенов. Они давно смешались с остальными и культурно ассимилировались, однако члены клана заметно выделялись в толпе. Никакой курчавости на головах или приплюснутого носа с толстыми губами, как на Черном материке. Обычные лица при намного более темной коже.

Когда-то на почве оскорблений цвета кожи грухи немало повоевали, перерезая глотки и проламывая тупые головы. Уже после восстания Ангуса их вытеснили в совсем уж паршивые высокогорные районы, где не слишком жирно жили до сих пор.

За столетия прошедшие с Клановых войн давно уже никого не волновали подобные сложности кроме них самих. Грухи редко женились или приводили жен из других кланов, не считая родственного и не часто спускались в долины. Макс представлял из себя странное исключение. На удивление неплохо читал и писал, при полном отсутствии школы в его родных местах.

Прирожденный стрелок, ставший неплохим пулеметчиком и сменившим «Остин» на снайперскую винтовку, до армии вообще не держал в руках механизма сложнее молотка. Разве что старинное, стреляющее черным порохом ружье предка. В цель он попадал изумительно, маскироваться, стрелять из самых невероятных положений и скрытно передвигаться его обучать не требовалось. Снайперов многие недолюбливали, не по-солдатски это – убивать из-за угла. Максу всегда было наплевать на чужое мнение. Он и много старше большинства был. Набирали первоначально с 18 до 21 года и кроме Шаманова ему и ровесников в дивизии, среди нижних чинов практически не имелось. Все лет на пять младше.

Почему он спустился со своих вершин вниз и завербовался в морскую пехоту, зачем так стремился подстрелить именно офицеров, Макс никогда не рассказывал. Он вообще о себе ничего никому не объяснял. На пытающихся лезть в душу смотрел с выражением: «Исполняю обязанности справно, чего еще надо»? Так про него никто толком ничего не знал, кроме Шаманова, а тот не делился, но не изгой. Письма писал и получал из родной деревни несколько раз.

– Приехал старший сын, – продолжил Макс, – он чуть ли не в университете образование поучил. Сказано было с издевкой. – На самом деле, где учился и чему нам не объясняли.

Прогрессивных идей привез массу. И еще толстую книжечку под завлекательным названием «Интенсификация сельскохозяйственного производства».

Слово «Интенсификация» он произнес без запинки, в очередной раз руша напрочь образ медлительного и тупого горца.

– Земля у нас не слишком плодородная и пригодные под посадки участки малы, нередко созданы собственными руками многих поколений в виде террас и урожай дают минимальный.

– Не очень то вы и утруждаетесь, – заявил Блэр. – Я видел. С ленцой так, не напрягаясь.

– Тоже правда, – не обиделся Макс. – А какой смысл? На продажу везти слишком далеко, на жизнь хватает. Вот и не особо усердствуют мужики. Овцы есть, козы имеются. Немного овощей будет. С голоду не помираем, но хозяйство реально натуральное. Практически ничего фабричного не имеется. Со стороны глянуть – нищета жуткая. А по мне так в трущобах городских хуже живут. У нас бездомных и совсем голодных не бывает. И детей без семьи не встретишь. Мы – Клан и своих не бросаем!

– Никто и не сомневался, – заверил Глен Быстров, – но ты это к чему?

– А! Отвлекся. Короче стал новый Вождь Клана учить нас правильно вести хозяйство. По науке. Система севооборота, расширение посевов при вырубке леса, глубокая вспашка. Все согласно книжным указаниям от ученых профессоров. Результат вышел паршивый. Пару лет урожай повышался, потом почву начало смывать, деревья-то повырубали и склоны нечему держать. Оползни. А продать ничего не продали. Поблизости наши продукты никому не сдались, а далеко везти еще та проблема. Выручка после всего совершенно не оправдала затрат. Пришлось… э… заменить Вождя.

– Грохнули что ли? – заинтересовался Лайс.

У патранов не существовало писаного внутрикланового кодекса, многие дела решались народным судом по обычаям. Крестьяне был вправе звать своего господина на суд за обиды и за притеснения и, если господин оказывался действительно виновным, истец освобождался от его власти. Телесное наказание и смертная казнь не допускались. Обычно. Иногда случалась инциденты.

– Нет, конечно. Стандартная процедура изгнания. Мы ж не звери. Даже без поношения. Он плохого своему Клану не желал, а что вышло, то разница между теорией и практикой. Жизнь, так устроена, что, образование ума не дает. Неплохо еще собственными руками потроттать. Я это к использованию правильных советов по экономике из замечательной брошюры.

– По дедовски жить? – с вызовом спросил Стен.

– Ломать не строить. Идеи сначала желательно проверить. И лучше на соседнем Клане, – Макс усмехнулся, показывая замечательные зубы. – В худшем случае на отдельном хозяйстве. Если пойдет, людей упрашивать не придется.

– Как долго вы сможете жить натуральным хозяйством? Вечно? Ты ведь видел другую жизнь. Неужели не хочется что-то изменить дома?

– Ха! Желания и возможности две огромные разницы. У свакам случаю имаш право.

– Чего? – изумился Таран.

– Патран, – с непередаваемым презрением, процедил Макс. – Свой язык не знаешь!

– Многие его знают? – возмутился Пастухов.

– У нас, – подчеркнуто объяснил Макс, – в горах – все. Стыдьба своих корней не помнить. Вот командир знает.

Шаманов кивнул. Особой его заслуги в этом не было. Так жизнь сложилась. Гораздо серьезнее удивлял Макс, по идее как раз должен был объясняться на шиольском, жутко коверкная слова, а он говорил не хуже остальных. Не чисто литературный – разговорный, однако вполне приглаженный и без обычного даже для городских примешивания крэльских слов. Не верил он в Геллерово немытое горство, хоть убей. А в деле по поводу образования указано шесть классов. Это выше обычного даже для равнины, но хоть убей – вранье. Образование

записывали со слов и казалось бы, к чему обманывать? Хуже сопроводиловки из полиции уже некуда.

– В «любом случае ты всегда прав», – перевел Макс для не понявших. – Это я от чистого сердца. По серьезному мы не вlipали за три года никогда из-за нашего командира. У него нюх на правильные действия.

Про себя он подумал, что одного такого в жизни видеть приходилось. Полусумасшедшего отшельника в пещере, которого подкармливали всей деревней. Тот иногда выдавал советы и шли они всегда на пользу дела. Правда случалось не часто, но если уж скажет: «делай или не делай то или иное», никто не сомневался. Знали – так будет лучше. Проверено.

Вряд ли все действия Шаманов этим можно объяснить, скорее в большинстве случаев сработала практическая жилка, а в дальнейшем и опыт боевых действий, но подозрения у него имелись серьезные. В горах совсем по-другому относятся к старым знаниям, многое сохранили вопреки жрецам и нередко умеют определять полезность. Бывает ведь и обратное. Маги – они случается и во вред соседям употребляют умения. Лучше заранее быть готовым и потом не удивляться.

– Поэтому внимательно слушаю предложение, – сказал Макс вслух. – Ты ж недаром нас позвал, а командир?

– Хорошее слово «предложение», – пробормотал Шаманов. – Значит так, – окончательно решившись, сказал, – пока шла война, королевское правительство контролировало железные дороги, флот, закупки продовольствия и взаимоотношения между рабочими и предпринимателями. Уже третий месяц госконтроль отменен. Газеты открыто пишут: многие заводы увольняют людей работающих на выпуске военной продукции. Цены серьезно выросли…

– Ну ничего себе Мрак возьми выросли, – взвился Глен. – Он достал из кармана измятое письмо и с неподдельным негодованием зачитал: До войны литр молока 9 сантимов, сегодня 15. Говядина поднялся в цене с 27 до 42, масло – с 32 до 61, десяток яиц – с 34 до 62 сантимов. Цена на обувь возросла в 4 раза. Даже рост зарплаты во время войны был меньше. И хозяева земель требуют у арендаторов больше платить. Причем сразу в два раза при падении спроса на продукты!

– Вот именно, – подтвердил Стен. – Нас никто не ждет с распростертыми объятиями. Наоборот люди будут держаться за свои рабочие места руками и зубами.

– Я на шахту не вернусь! – категорически заявил Пастухов. – Хватит, отработал в забое свое. Вы на добывающих уголек вблизи посмотреть пробовали? Я с восьми лет собирая уголь, просыпанный из тачки. А отец каждый день по десять часов трудился. К сорока годам у него легкие отказали, надышался угольной пылью. И за что? Шахтерам обязаны покупать товары только в магазинах своей фирмы. А там специально гниль, деваться-то некуда! Нет уж, конечно. Меня деньги в банке ждут.

– Этих полторы-две тысячи, что у каждого отложены, если в семью уже не ушли, надолго не хватит, – пробурчал Лайс.

Стен сделал паузу, переводя дыхание. Сама идея была достаточно хороша, но это со временем и начинать в одиночку он не мог. Требовалось убедить.

– Сегодня на острове таких как мы за двести тысяч.

Демобилизованных, растерянных. Ищущих за что зацепиться. Вот и надо от этого идти. Создать Лигу Ветеранов. Вместе мы сила!

– И зачем это большинству? Уж в земле ковыряться возможность найдется. Мы же не будем каждому помогать поле обхаживать, – скептически отмахнулся Рудов.

– Правильно! У Лиги должна быть цель, иначе все впустую! Понятная всем. Улучшить жизнь. По одиночке все бесполезно. Наша земля принадлежит все больше чужим шиольским ордам, не имеющим понятия о нуждах арендаторов и не желающих ничего о них знать. Большинство и не посещает свои владения. Повышение аренды неминуемо будет и это шанс заявить

о себе. Важно потребовать установления определенного уровня «справедливой» арендной платы, устойчивого срока арендного договора, разрешения свободной продажи земли. Земля должна принадлежать работающим на ней.

– И что конкретно может сделать группа людей? – Блэр больше не жрал, а внимательно слушал. – Он-то как раз из такой семьи. Всю жизнь на грани. Голода на острове, охватывающем всю территорию, никто не помнил, но это не означает хорошего урожая во всех концах. Фермеры нередко еле сводили концы с концами, а многие не имея возможность платить лорду, уходили в города. К отнюдь не намазанной маслом жизни.

– Если арендная плата будет повышена, а это обязательно случится в ближайшее время, убедить фермеров отказаться платить. Вот для того чтобы не согнали мы и должны присмотреть. На первый порах никакого насилия. Любой, согласившийся взять чужой участок должен стать изгоем. С ним не говорят, ему не продают, у него не покупают, к нему не нанимаются на работу и не оказывают помощь в любом виде. В Храме никто не встанет рядом и не отдаст в его семью дочь. Никакого общения!

– Ха! А ведь может сработать. Тут и жандармы не помогут. Преступления нет.

– Мне любопытно прозвучавшее «на первых порах», – осведомился Дубравин. – Это к чему?

– Лорды могут набрать собственных головорезов для запугивания. Они обязательно попробуют заставить правительство предпринять резкие действия. Рано или поздно кровь будет, – спокойно сказал Стен. – Я не хочу криминала и чем сильнее мы станем, тем больше шансов удержать стихию.

– В каждой истории есть два участника и точка зрения у них может различаться кардинально, – подхватил Макс. – Любой считает правым исключительно себя. А у нас ведь Патра. Может мы и выступаем вместе против чужаков, но грыземся по страшному. Религия, горцы с долинными жителями, фермеры со скотоводами, кланы, племена.

– Только вместе мы можем добиться победы. Всем хорошо не будет никогда, – Стен поморщился, – хотя это лучше на площадях не говорить. Мне лично плевать на все вышеперечисленное и насколько это будет зависеть от меня, я буду соблюдать баланс интересов. Лига ветеранов обязательно включает всех. Потребности разных групп не всегда совпадают. Втянуть в борьбу каждого трудового человека. Не только земля, еще и профсоюзы. Просто это начало. Конкретное и всем понятное. И дальше не стоит отодвигать остальных. Ветераны – ядро. А Движение – общенациональное. Если необходимо будем сотрудничать и с прогрессистами, и с популистами, но только отдельной силой.

– Партия? – не удивился Макс. – И где-то впереди маячит знакомый лозунг: «Предоставления стране самоуправления и создания автономного парламента».

– Да! Шаг за шагом, вплоть до собственного управления. Это плохо?

– Это сомнительно. Никогда нам не дадут свободу.

– Невозможное всегда удаётся. Самое невероятное – это и есть самое верное решение. Я гарантирую: не завтра, не через год, возможно через кровь, но самоуправляемость мы получим при моей жизни! При одном условии – идти вместе.

К сидевшим неуверенно приблизился незнакомый солдат. Форма на нем была не морпехов. В транспорте собирали для отправления домой не только пятую. Были еще из 29-й пехотной.

На лице у него было написано: «Разрешите обратиться», а в трех шагах в качестве группы поддержки торчало еще несколько с уважительно-вопросительными лицами. После Гриффина и тюрьмы к Шаманову стали относиться с нескрываемым почтением и показательной предупредительностью.

Очень многие прекрасно поняли что произошло, а уж про капитана говорили практически в открытую. Никто не сомневался в убийстве зарвавшегося садиста. Официальную версию

в расчет не брали. Всеми своими подвигами и наградами Стен не сумел себе сделать столь известного имени. Теперь его знали не только в морской пехоте и не одни офицеры.

Армия и флот в стороне не остались. И одобряли не только патраны или простые шиольские солдаты. Многие офицеры считали происшедшее правильным. Честь выше всего. Гриффин себя откровенно замарал низкими поступками. Шаманов повел себя как благородный человек. Дал сохранить лицо родственникам и наказал виновного. Это заслуживало похвалы и поднимало над многими, задавая планку поведения. Пойти на деяние, прекрасно зная о негативных последствиях для карьеры, да и дальнейшей жизни, не всякий решится.

– В чем дело? – спросил Стен доброжелательно. Слышать солдат все равно толком ничего не мог. Говорили они негромко, да и уловил что – какая разница? Он надеялся опереться на проверенных и заинтересованных сержантов в новом деле, но люди лишними не бывают.

– Там, – помявшись, доложил незнакомец, – моряки курс новый прокладывают. Мы идем не в Натмук. Прямо к Синенду. Вы б сходили, выяснили, что к чему. Чего это домой не везут.

– Один Мрак, – поднимаясь, сказал Шаманов, – обязаны обеспечить бесплатный проезд до места принятия на службу. Не по морю, так по железной дороге. Ну пойдем, спросим.

– Это удачно получилось, – дождавшись пока толпа во главе с бывшим офицером повалит наружу, веско уронил Лайс. Всем в трюме вдруг стало страшно интересно, куда направляется делегация. Минут пять назад никто о столь прозаичных вещах и не задумывался.

– Зачем нам давление авторитета начальства? Сбор сержантов сам решит. Итак, я по любому пойду за Шамановым. Жены не имеется, детей тоже. Никто не ждет и жить мне негде. Идти в снова в сцепщики вагонов? В депо все места наверняка заняты. Спасибо, не хочется. Вот Таран назад в шахту горбатиться не желает и я схоже думал. Только куда деваться не знал. Тысяча в год зарплаты и пить без просыпа в выходные? Хочу чего поинтереснее. Стен предлагает цель в жизни. Выгорит или нет, Мрак его знает, но это хороший шанс. Ну? Кто как думает? Блэр?

– Я с вами, – заявил Садов. – Правда у меня то жена с ребенком имеется, но нам же база нужна? – он ухмыльнулся. – Почему не с моей деревни начать? Уж я точно знаю, кто и чем дышит. Кому требуется слово сказать, а кого и придержать за штаны.

– Макс?

– Я съезжу домой на пару недель, а потом вернусь. Все одно надо ведь пощупать настроения, да и всем с родичами повидаться.

– Таран?

– Нет парни. Политика, сельское хозяйство, самоуправляемость… Все это, – он точно обозначил ругательствами, что думает. – У меня еще старые знакомства сохранились.

– К Морио-стрелку пойдешь?

– Осуждаешь?

– С какой стати, – удивился Лайс. – Каждый выбирает свою дорогу. Мы столько убили за эти годы, что репутация страшного бандита, – он смачно плунул на пол.

Сержанты дружно рассмеялись. Сколько там, на бандите, может висеть покойников – пять, шесть, десять? Любой из них навалил гораздо больше. И в основном это были не беспомощные гражданские, а такие же военные готовые тебя убивать.

– Он контролируют шлюх и игорные притоны, – серьезно сказал Таран. – С собачьих и лошадиных бегов зашибает немаленькие деньги. Наверняка бывалый человек подойдет.

– Ага, – подтвердил Глен, – и пустит вперед в качестве мяса. Нет, если серьезно, то предпочтительнее создать свою банду, а от вашего Морио избавиться. В море, только привязать чего потяжелее, чтобы не всплыл. Ха! – он подумал, – мы бы смогли, только не мой это путь. Убивать за деньги? Нет! А вот за правильную идею – да.

– Может это хуже? – зло спросил Таран. – За короля, за самоуправляемость, за независимость. Ты убиваешь, а потом опять остаешься ни с чем, и кто-то другой считает прибыль. За себя хоть честно. Я сделал – я отвечу. Не за принцип, а за возможность хорошо жить.

– Ха и еще раз ха! Одно не отменяет другого. Не важно, Лайс прав – неизвестно как упадут кости. Удача вещь капризная, но это гораздо интереснее, чем сидеть в деревенской лавке и отвешивать три конфетки ребенку, тщательно пересчитывая медные сантимы из потной ладошки. Я пошел в добровольцы в надежде найти другую жизнь. Не такую, как у моего отца. Может, это было глупо, но вернуться назад даже сержантом и с двумя орденами? Исключительно похвастаться. Я хочу другой жизни! Рисковой.

– А я нет, – отрезал Киран Дубравин. – Мне кровь уже поперек горла. Хочу в конюшню и не слышать больше никогда криков раненых лошадей, – его передернуло. – Людей не так жалко. Он хоть понимают, на что идут. А лошадь и возмутиться не может. Все! Пока меня не трогают, я просто развозжу породистых скакунов и стригу овец.

– А тронут? – вкрадчиво спросил Лайс.

– Мы не арендаторы и ничего ужасного родичи не писали. Хорошие кони всегда нужны. Вы не думайте, если проблемы я всегда помогу, но лезть в эти политические дела… Без меня. Возьмете на себя слишком много и пойдете на каторгу. Без вины. Найдут причину. Земля – это власть. Кто ж ее добровольно отдаст?

– Вот и решили, – подвел итог Рудов. Троє за Лигу, двое сами по себе. Без обид парни, выбор честный. Пути расходятся, но это не значит, что необходимо смотреть на товарища звездой. Патра большая, а человек с человеком бывает встретится. И никто нам не мешает, – провозгласил, извлекая из мешка бутылку без этикетки под общее оживление, – выпить с ветераном Сводного отряда за прошлое. Спорим, лет через двадцать война будет вспоминаться как замечательное время?

– Мне вряд ли, – заверил Дубравин, в свою очередь, предъявляя дополнительную бутылку и два стакана.

– Ерунда! Молодой, здоровый, почти не пострадавший. Сквозная дырка не в счет. Девки любили и здоровья навалом. И свобода! Никаких обязательств, за тебя командиры думают. Кормят, поют, одевают, а ты вечно недоволен. Мало, плохо и невкусно. Дома-то ту же кашу жрал без масла за ушами трещало. Если сравнить, ха! В пятьдесят держишься за поясницу прямо с утречка и жена пилит за отсутствие денег. А дети на твои указания потихоньку плюют и от рук отбились. Как мы, – подумав, добавил, – под общее ржание. А что? – он обвел всех взглядом. – Кто-то хочет похвастаться, что его родители радовались идею пойти добровольцем? То-то! – поднимая стакан, провозгласил, – чтоб наши дети не были хуже нас!

Интерлюдия

Задним числом для объяснений всегда находятся веские причины. Например на специфический народный характер, вошедший в анекдоты – трудолюбивый, порядочный, аккуратный в работе, уверенный в себе и при этом не прочь почесать кулаки в ближайшем баре, сбрасывая лишнюю энергию, ссылаться не имеет смысла.

Скорее приходится вспомнить о наложенных королевским правительством ограничениях. На государственную службу патранов не брали и даже на острове коренные жители за редчайшим исключением занимали низкие государственные должности. В армии офицеров соответствующего происхождения вплоть до войны можно пересчитать на пальцах двух рук и еще останутся свободные.

Попасть в аристократический клуб патраны имели крайне мало шансов. Зато подняться в качестве торгово-промышленной буржуазии никто не препятствовал. К подобным попыткам относились пренебрежительно, не видя конкуренции. Практически все товары с острова в начале века являлись худшими копиями произведенных в метрополии.

Скопин завербовал лучших шиольских металлургов, подготовивших целое поколение патранских мастеров. Он такой был не один. Не менее известна семья Хоуп. Многие предприниматели начинали с копирования чужих образцов. Уже к началу войны патранская промышленность не только вышла из-под контроля метрополии, но и сама стала способной многому научить. Локомотивы и основная часть вагонов поставлялись в метрополию с острова. Как и рельсы.

*Статья «Индустриальная революция – достижения и проблемы».
Университет Карунаса.*

Глава 3. Семья. 2695 г

Стен не стал задерживаться на вокзале. С изрядным облегчением, рас прощался с последней партией направляющихся домой демобилизованных солдат. Хотелось оставаться одному и забыть на время чужих проблемах. С чувством глубокой благодарности (без них все было бы намного сложнее) пожав на прощание руки своим сержантам, тоже отправляющимся в родные места, вышел на улицу. На ближайшую неделю труды праведные на пользу другим закончились.

Чем пахнет его идея, он и раньше догадывался, но сейчас это вышло крайне наглядно. Проще всего плыть по течению. Ничего не дается даром. Кто готов взять на себя ответственность, тот получит на дурную голову массу проблем и вместо благодарности претензии. То не сделано или даже сделано, но несвоевременно. Это не объяснил, не свершил в правильном виде и все бюрократические заскоки чиновников прямая вина не решившего их мгновенно и в лучшем виде. И при этом реальной власти сегодня у него ровно столько, сколько имеют и остальные уволившиеся из армии. И все прекрасно об этом знают, однако прямо или намеками именно от него требуют обеспечить сворачивание гор на пользу остальным, нетерпеливо д ожидающимся пряников без малейшей попытки их испечь.

Начало было положено забастовкой в порту Натмука. Раздраженным демобилизованным пассажирам не показалось, корабль сменил курс и пошел совсем не туда, куда они отправлялись. Капитан решил, что стоять на рейде неизвестно сколько времени в ожидании возможности подойти к причалу в его задачу не входит. У него еще обратный рейс на ближайшее время запланирован. Высадка произойдет севернее и ничего страшного. Для него. А успокаивать взбудораженную массу солдат он охотно предоставил Шаманову. Поэтому пришлось брать на себя роль усмирителя, умиротворителя и обещателя. Дальше уже возможности остановиться не было.

Восемь с лишним сотен злых на всех кругом патранов, высадившихся в Синенде, вполне могли продемонстрировать свое отношение невинным, да и не подозревающим о причинах возмущения, жителям города кулаками. Да и оружие у многих имелось. Десяток полицейских, примчавшийся к причалу ничего бы сделать не смог. При желании неуправляемая толпа, подогретая еще и алкоголем, а многие хорошо приняли, включая его собственных сержантов, легко могла бы навести в городе шороху с серьезными последствиями. Поэтому Стен взял командование на себя. Не в первый раз. Задача была достаточно интересная и с прицелом на будущее.

Навести порядок, построить в колонну (на удивление сильно недовольных не оказалось и подчинялись охотно), промаршировать до военной комендатуры и взять за шкирку тамошнего полковника с парочкой адъютантов. Тут еще требовалось не забыть прихватить печати и прочие столь важные для выполнения чиновниччьего долга предметы и препроводить всех на железнодорожный вокзал. Получать на каждого солдата отдельно предписания о бесплатной поездке, согласно контракту добровольца о льготах после демобилизации, не было ни времени, ни желания. Да и кормить практически полк за чей счет?

Когда солдаты вошли в здание вокзала, было ощущение захвата ключевой позиции в стане врага. Указания он предварительно отдал четкие и сержанты-помощники правильно поняли мысль о психологическом давлении. Колона четко разбралась на более мелкие подразделения, и все происходило страшно по-деловому. Караулы занимали важнейшие точки, постоянных согнали в угол. Большинству не впервые оккупировать города.

Обвинить в чем-то серьезном или нарушении законов никто бы не смог, но неприкрытая угроза явственно пугала и железнодорожников, и военкоматских офицеров, и гражданских лиц на вокзале. Достаточно ясно ощущалось – не дай им чего требуют (а все звучало если не вполне законно, то на грани) и итоги выйдут очень серьезными.

Напуганное начальство железнодорожников было представлено пред Шамановские очи страшно довольными солдатами, корчащими жуткие лица и обсуждающими опыт убийства с членовредительством, принесенный с войны. Тут уж они старались в меру разумения, нагоняя трепет и панику, получая массу удовольствия от нервной реакции гражданских кроликов, не нюхавших пороха. Не часто могли себя так непозволительно вести без серьезных последствий.

Крики железнодорожников о невозможности всех посадить в вагоны были отвергнуты Стеном сразу. Он прекрасно понимал, чем дольше держать здесь сотни недовольных людей, тем выше шансы на эксцессы, выпивку, мордобой и прочие прелести с непредсказуемым результатом. Точнее, как раз что произойдет, он догадывался без труда. Удержать стихию одним авторитетом он не в состоянии. Выход был единственный – решить проблемы как можно скорее. И естественно за чужой счет.

Он внимательно выслушал стоны о нарушении порядка. Якобы не больше десятка в очередной пассажирский рейс можно посадить. У них расписание, касса и прочая бюрократическая белиберда. Выбор отсутствовал. Стен предложил рассмотреть альтернативу: или они перекрывают рельсы надолго, расположившись на отдых прямо на путях, окончательно парализовав железную дорогу и сорвав расписание, или найти способ отправить выполнивших долг демобилизованных солдат в срочном порядке по домам. Тут переговоры стали очень конкретными и заинтересованными.

– Ну хорошо, – воскликнул железнодорожник, трясущейся рукой вытирая пот со лба, – мы вместо нормальных пассажиров отправим вас, кто оплатит им недействительные билеты? У нас частная железная дорога, а не государственная лавочка? Я в тюрьму за растрату не собираюсь!

– Он, – показывая на военкоматского полковника, – заверил Шаманов. – А если не вернут денежки, смело подавайте в суд на военное министерство. Это его прямая обязанность довезти нас до дома, махая под носом у присутствующих извлеченной из кармана бумагой, – патетически воскликнул Стен.

Реально если кто-то и имел в настоящий момент контракт в кармане, так точно не он, но все знали – это правда. Такой параграф имелся. Просто раньше никогда такие толпы не рвались в срочном порядке домой. А если еще орать басом и при этом расписывать последствия действий неуправляемой пьяной солдатни эффект будет оглушающий. Он-то лично всемерно способствует порядку, но ведь если что, так не удержит.

Под конец его речи в кабинет зашел начальник полиции Синенда и очень внушительно посоветовал администрации вокзала помочь данной категории граждан покинуть вверенный ему город. Они замечательно друг друга поняли. Воистину толпа пьяных вооруженных и не боящихся крови мужиков полиции абсолютно не требовалась.

Тут все пошло гораздо веселее. Нашлись и дырка в расписании, и паровозы, и даже вагоны. Правда часть не пассажирские, а для перевозки скота, но при необходимости можно и потерпеть.

Еще и стандартные пайки в дорогу привезли под полицейским присмотром, неизвестно из каких запасов. Быстров, к примеру, как специалист по торговле и финансам, остался в глубоком убеждении, что кто-то хорошо в карман положил, оформив больше и дороже, но солдат в данный момент это меньше всего трогало.

Они катили домой в относительном комфорте и не голодные. Никто не сомневался, ходи они по закону с просьбами и поклонами, долго бы сидели на улице перед военкоматом. Проще на свои купить билет и не унижаться. Результат всем понравился. В вагонах орали песни и внимательно выслушивали Стена, когда он приходил и принимался агитировать за Лигу ветеранов.

В принципе в самой идеи ничего из ряда вон выходящего не имелось. Все возможные союзы не только по-семейному, но и профессиональному существовали испокон веком. Никто не возражал, а по поводу фиксированной арендной платы очень многие с энтузиазмом одоб-

ряли. Был поднят совсем не простой вопрос членских взносов. Любые мероприятия надо оплачивать, а откуда средства возьмутся? Скользкая тема. Много просить – желающих вступить в Лигу отпугивать. Мало – откуда субсидировать сходки и помочь арендаторам.

Шаманов старательно фиксировал на будущее личные подробности сторонников его предложений. Фамилии, местожительство, точные обстоятельства службы, хозяйства. Немаловажно выяснить и Клан. Иногда такие вещи многое говорят о человеке. Интересовался мнением других о собеседнике. В голове у него продолжалось расширение картотеки. На память Стен отроду не жаловался, но мысленно сделал себе зарубку наиболее важные вещи записать и создать картотеку. Если всерьез разворачиваться придется держать в уме уже не сотни, а тысячи людей. Такое никому не под силу.

Поезд шел и все ближе становилось окончание прежней военной жизни. Рядом с дорогой лежали зеленеющие квадраты полей вперемежку с амбарами, силосями башнями. На горизонте виднелись привычные горы и пастбища. Ближе к полудню показались терриконы шахт. Зрелище неподготовленного человека неизменно изумляющее. Зеленая равнина и вдруг начинаются бесконечные остроконечные голые холмы. Огромные и маленькие. Для коренных жителей привычно, приезжим всегда странно.

Это неестественный ландшафт и не так давно существует. Вечный спор, где находится сердце Патры – с началом промышленного развития стал еще более сложным. Без угольного бассейна Биронге нет промышленности. Без железной руды Ухтинского района не появились бы сталелитейные заводы. Проложенная между двумя важнейшими экономическими южными территориями железная дорога дала немалый толчок в развитии острова.

Потом, уже под вечер, появились заводские трубы и одновременно ощутимо запахло морем. Приближался индустриальный центр острова.

Последние тридцать лет по промышленному росту Патра уверено обгоняла и метрополию, не смотря на меньшее население. Отсюда экспортировали в Шиол рельсы, сталь, станки, локомотивы и многую другую продукцию тяжелой промышленности.

Знакомая с детства замощенная булыжниками дорога петляла между старых домов. У железнодорожного вокзала еще сохранились изначальные дома поселка. Про архитектурные планы тогда и не подозревали, хотя устраивались здесь все-таки обеспеченные по местным меркам люди. В основном двухэтажные (в ширину расти сложно, зато в высоту сколько угодно) дома, не подпадающие под понятие особняк, но с обязательным забором и несколькими плодовыми деревьями во дворе.

Внутри проживали квалифицированные мастера знающие себе цену и не особо боявшиеся даже надвигающегося послевоенного кризиса. Уж их умелые руки без приложения не останутся. Здесь же находились школа, больница, магазины, банки, разнообразные частные конторы и городская управа.

По улице пятый год ходил трамвай, сменивший конку, однако Стен не стал дожидаться очередного и двинулся вперед. Две лиги никуда не сворачивая по тротуару и раньше особой сложности не представляли, а теперь он столько намотал расстояний за эти годы пешком, что про усталость думать просто смешно. От большой развилики направо завод, налево проживали простые работники, прямо чистая публика. Инженера, торговцы, чиновники, хозяева нескольких серьезных заводов и фирм.

На самом деле Натмук был намного больше. Новый Свет и порт числились отдельными районами, как и десяток близлежащих поселков, выросших возле заводов. Город рос нередко стихийно, в его административные границы включались и деревни, и целые районы заводских бараков, где проживали работники.

Таких набралось уже за два десятка, однако люди привычно считали район порта – это Туан. Заводской в просторечии звался не иначе как Котляровский по имени хозяина предприятий там расположенных, зато фабрики Гладкова числились в районе Текстильщиков. Город-

ские жители в подобных тонкостях разбирались замечательно. Приезжие легко могли заблудиться, попав в глупую ситуацию. Целые улицы нередко не имели названия и номеров. А блуждать в поисках дома незнакомому с дорогой придется долго.

Шестьдесят пять лет назад в Натмуке проживало 21164 человека. По первой и единственной переписи населения королевства десятилетней давности население достигло 864 тысячи человек, а за прошедшее время он продолжал развиваться и расти. Вполне могло сейчас и за миллион жителей перевалить. По количеству народа он был сам большим на Патране.

Здесь, в Новом Свете, строились люди солидные, с достатком. Дома прячутся за деревьями, стоят на изрядном расстоянии друг от друга – так что особняки расползлись по множеству окрестных холмов и пешком редко кто появляется. У здешних хозяев нередко и собственный выезд имелся. Люди попроще жили ближе к центру.

Стен толкнул не запертые ворота в почти двухметровом заборе, сложенном из обычного песчаника и прошел во двор. Не слишком впечатляющий размерами дом из красного кирпича, с покрытой железом крышей, ничуть не изменился. Как и яблоневый сад, заботливо выращиваемый вдоль дорожки, вымощенной темной сланцевой плиткой. Отсюда не было видно, но он прекрасно помнил и о расположенных сзади хозяйственных пристройках.

Все это он облазил до последнего угла еще в детстве: кухню, конюшню, погреб, сараи для угля и дров, для всяческого инвентаря и комнаты прислуго. Это было страшно интересно, но впечатлили его реально только водопровод и ванна с туалетной комнатой. Никогда раньше он такого изумления не испытывал. Вода идет сама и удобрения смываются неизвестно куда. Поезд и то, в сравнении, выглядел бледно. Ничего, очень скоро воспринимал как само собой разумеющееся.

Он поднялся по ступенькам и нажал дверной звонок. Где в глубине дома зазвенело. Вот электричество его в свое время нисколько не удивило. Наверное, предохранители в башке перегорели при таком количестве новых и странных вещей. Ружья он и раньше неоднократно наблюдал и керосиновую лампу тоже. И то и другое у его родителей имелось.

Стен и сейчас мог старательно изобразить равнодушие, при виде очередного механизма. Видали мы все это! А тогда это вышло совершенно непроизвольно. Не хотел считаться дикарем, каким он натурально и был, впервые угодив прямо с гор в большой город.

Замок щелкнул и в двери появилась еще не старая полноватая женщина с вопросительным выражением лица.

– Здравствуй Эля, – сказал он.

Женщина охнула и расплылась в улыбке. Они обнялись.

– Мы тебя ждали не раньше завтра-послезавтра, – довольно сказала, увлекая его за собой внутрь дома. – Ваш «Гэмбл» в порт не заходил.

– Мы сошли на берег в Синенде, а дальше на поезде.

– Не важно! Сейчас я тебя покормлю...

– А можно сначала в ванну? Сто лет не купался как нормальный человек.

– Скажи еще богатый, – она отмахнулась и остановилась. Довольное выражение сменилось на озабоченное. У Элины была очень выразительная мимика, она совершенно не умела скрывать чувств и лгать. – У нас серьезные проблемы, – сказала тихо.

Стен приземлился на стул, готовый слушать и слегка озадаченный. Ничего такого ему не писали.

– Заказов практически нет и в скором времени не предвидится. И так куча оружия на складах лежит, а королевское правительство не торопится рассчитаться по военным заказам, так мой умник еще выиграл государственные испытания на новый пулемет. Четырнадцать образцов, включая модернизированный «Остин» участвовали, – сказано было с нескрываемой гордостью, – наш лучший оказался! Стандартный винтовочный патрон, отсутствие водяного

охлаждения и заметное уменьшение массы. Всего 14 килограмм, а на колесном станке 37 против стандартных 64.

– Ого! – удивленно сказал Стен. – Через его руки за последние годы прошло с десяток модификаций «Остин» и 58 кило был лучший показатель, попутно с кучей недоделок. Да и необходимость не искать воду на поле боя для охлаждения была немаловажным фактором.

– Перегрев ствола?

– Ствол меняют, – с готовностью объяснила Эля, – Восемь ударов сердца на смену после непрерывной очереди на 500 патронов.

Это у нее осталось от родных мест. Там секунды и минуты не чести. Часов не имеется (они и у зажиточных людей не так уж давно появились) и определяют время по Солнцу на небе или ударам сердца. А познания Эли в вопросе оружия и его качеств николько не удивили. В этой семье сложно состоять членом и не подозревать о разных вещах именуемых в справочниках «Тактико-технические характеристики оружия». Особенно производимого под маркой «Ветров и Котляров». Фирму знали во всем мире.

Компания «В и К» до войны выпускала только охотничьи ружья и пистолеты. В производство пулеметов была вовлечена благодаря получению контракта на производство для армии крайне нуждающейся в автоматическом оружие.

250 «корон» за один «Остин», при 25 отчислений за лицензию. Почти сотня чистая прибыль – выгоднейшее дело поставки для государства, да еще и в больших размерах. И это самая низкая из возможных цена. Другие производители оказались не столь стеснительными и запростили заметно больше, не давая столь высокого качества. Та же история была и с винтовками. С пятнадцати тысяч в год производство увеличилось до семнадцати в месяц, а численность заводчан выросла чуть не в три раза. И каждая «Лита» давала пусть не высокую, но стабильную прибыль.

– Даже в сравнении с этим (подразумевался «Остин»), – в голосе женщины явное презрение, – лучшая кучность, живучесть, большая безотказность и на закуску возможность использования стандартной пулеметной ленты.

– И?

– Изготовили пол сотни единиц, сорок пять прошли войсковые испытания и получили добро на производство. За три месяца построили дополнительный заводской корпус, оснастили новейшими станками, и вдруг война кончилась. Нет, – посмотрев на Стена, поспешно сказала, – я не мечтаю еще о тысячах погибших, но деньги вложенные уже не вернуть. Закупочная комиссия разводит руками. Да собственно они любые контракты, заключенные на поставку товаров для армии и флота рвут без зазрения совести.

Она тяжко вздохнула. Эля всегда была страшно практичной и пользовалась полнейшей свободой в денежных вопросах. Муж ни одной бумаги не подписывал, не посоветовавшись с ней предварительно.

– Зачем покупать то, что уже не требуется? На складах почти три тысячи винтовок «Лита» по лицензии, тоже заказанные армией, восемь бронеавтомобилей. Всевозможный инструмент, детали для пулеметов нескольких марок и починки тех же винтовок. Вообще масса всего осталось на руках без возможности избавиться. Хуже всего, – сказала она с неприкрытоей гордостью, – Борс создал еще одно чудовище. Столько труда и средств вложено! Уж точно ни у кого в мире нет. Крупнокалиберный пулемет. На 14,5 линий.

Шаманов с трудом удержался от удивленного возгласа. Таким монстром разве доты пропишать. Пуля у него небойсь с огурец размером. Сейчас требовалось с умным видом успокаивать, а не изумляться извивам ветровского мышления.

– Думаешь, война была последняя? – Стен выразительно ухмыльнулся. Он сейчас говорил, вполне веря в сказанное. – Теперь на Черном материке пулеметы потребуются непременно. Военные практические испытания прошли удачно и на будущих маленьких колониаль-

ных войнах без нашей продукции не обойдется. И в армии рано или поздно найдутся желающие поменять старые на улучшенный образец. Пока временно подтянуть пояса. Искать выход на заграницу.

– Понимаешь, не все так просто. Котляров с себя обузу решил снять. Продать фирму. Якобы срочно деньги требуются. Будет строить танкеры, нефть с керосином с Каренских островов возить.

– Ну! Не зря у меня четыре высадки с моря, – зло прокомментировал Стен, – кто-то уже обнаружил возможность нажиться!

– Перестань. Не этот, так другой. Или ты всерьез думал, что воюют за счастье? За государственную часть? Нас обидели, запретив торговать с туземцами, и сожгли две промысловые шхуны? Те еще бандюки на них обретаются и я запросто верю в браконьерство. Нет, сражаются за контроль над экономикой. Нефтяными, оловянными, медными, никелевыми, свинцовыми месторождениями. За пряности и кофе. За рис и пшеницу. За землю, наконец. Золото дело десятое. На остальном можно заработать гораздо больше. На порядки.

– Это вроде я кончал университет. Откуда столь занимательные речи?

– Я просто передаю суть речей Нолана. Он все-таки человек неплохой… Да, да, не надо так скептически улыбаться. Мы много лет знакомы и общаемся. Конечно, своего не упустит, но не скот, вроде Гладкова…

Репутация текстильного фабриканта была известна всему острову. Его жадность и скверноть не знала границ. Хуже его рабочих никто не жил. И так зарплата не велика, так за малейшую провинность беспощадно штрафовали. Да и с другими людьми вел себя абсолютно бесцеремонно и при любой возможности норовил обмануть. Хоть по мелочи, но обязательно. Естественно Гладкова ненавидели все от дворника до владельца соседнего завода. Он даже в контору приходил в сопровождении двух здоровенных телохранителей. Опасался нападений.

– Котляров личность незаурядная. Никогда он не был серьезным специалистом, зато всегда прекрасно разбирался в людях и замечательно умел угадать лучший вариант развития. Всегда на него работали выдающиеся техники, инженеры и администраторы. Он только определял общее направление и практически не ошибался. А люди… ну правда, попробуй найти человека, работавшего у него и оказавшегося про Нолана откровенную гадость. Он никогда не переступал определенную черту, выполняя обещания, зафиксированы они в присутствии юриста или получены в личной беседе. Уж я точно знаю. Двадцать с лишним лет знакомства.

– Ангел.

– У ангелов не бывает огромных корпораций с доходами в чуть ли не четверть всех налоговых поступлений Шиола. Он сделал себе репутацию честного предпринимателя и теперь с ним охотно имеют дело в любом месте королевства. Но Котляров хочет стать мировой величиной. Его танкеры пойдут не в только Шиол, а и в Северную Империю и к фадзийцам тоже. Не важно… Пусть его. Мы для него в данный момент досадная помеха и убыточное предприятие. Он сделал Борсу предложение в своем стиле. Бери, тебе первому предлагаю или получишь на шею неизвестно кого. Продам контрольный пакет акций первому, предложившему подходящую сумму.

– Сколько?

– Три с половиной миллиона. Шестьсот тысяч сразу, остальное с рассрочкой на пять лет под нормальный банковский процент. Мы заложили все. Будущие доходы от патентов, свои доли в разных предприятиях. Этот дом, – она обвела вокруг себя рукой, – тоже принадлежит банку. Я всю прислугу кроме кухарки рассчитала, каждую монету считать приходится. На заводе всех принятых после начала войны пришлось уволить. Несколько сотен человек. А ведь они люди и семьи кормить обязаны. Неизвестно еще сможем ли платить старым работникам. Если с выплатами не справимся… И твои деньги без спроса взяли, – вид у нее был страшно виноватый.

– Вы совсем с ума сошли? – изумился Стен, поднимаясь и обнимая.

– Нашли о чём беспокоиться. Какие еще мои деньги? Это дурацкое завещание в силу не вступило, хвала Солнцу никто помирать не собирается.

– Ну ты ж знаешь, – уткнувшись к нему в грудь носом пробормотала Элина, – как Борс к тебе относится. Как к сыну.

– Если я не слишком удачно показываю постоянно, то на самом деле вас всех люблю, – погладив женщину по голове, заверил Стен.

– Все одно ты скотина. В армию сбежал и я заранее уверена на завод работать не пойдешь.

– Вот в этом ты права. Всегда меня насквозь видела. Я собираюсь стать великим человеком, а это трудновато отдавая все время производству. Нет, отныне на меня трудиться будут! Мне понравилось быть офицером, но совершенно не по душе вышестоящие начальники. Сам буду политическим генералом. Потом поговорим серьезно о моих планах. Уж очень это... неожиданно. Вы меня легко переплюнули в авантюризме. Так рисковать... Эля, – с сомнением спросил Стен, – это разумно? А превратить фирму в акционерное общество? Хотя – да. Сейчас не много желающих найдется. Оружия завались.

– Реально все имущество стоит больше чем в два раза, – он понимающе кивнул. Элина всегда отличалась практичностью, занималась хозяйственными делами семьи и могла о финансах фирмы и ее активах рассказывать долго и подробно, ее мужу вечно было не до досадных мелочей, – но мы не можем реализовать сегодня практически ничего. Частникам артиллерия ни к чему, а броневики тем паче. Есть оборудование со станками, которые муж мой удавится, но не отдаст и сами производственные здания с землей и собственная ТЭ.² Такая сделка случается раз в жизни. И это не беря в расчет стоимость заводского Храма, больницы, школы, ремесленного училища, библиотеки.

– А патронный завод?

– Ага, не настолько Нолан альтруист. В последний предвоенный год прибыль была почти пол миллиона «корон». Наши 5 % акций завода и выплаты по патенту за стандартный пистолетный патрон пошли в залог, иначе бы потребовал много дороже.

– Мне всерьез полегчало, – сказал Стен, – а то я поверил в доброту нашего благодетеля. Он в результате поимеет больше сразу с нескольких сторон. Дивиденды с патронного не то 15, не то 16 % в год шли. А не удастся ввернуть кредит его же банку, я не ошибаюсь, ссуда из Промышленного банка? – Элина согласно кивнула, – еще и завод получит, а Борс на зарплату сядет. Хороший купец, – сказал с чувством, – все его уважают, а он со всех имеет. Ладно, это все обдумать требуется, а сейчас я все-таки пойду хорошо вымоюсь.

² Теплоэлектростанция.

Интерлюдия

К 2679 году на островах архипелага было обнаружено ни много, ни мало – пятьдесят два выхода нефти на поверхность. Тем не менее, первая скважина была пробурена только после скупки участков Котляровым, в результате захвата Каренских островов и прихода туда колониальной администрации.

Нуждающееся в средствах королевское правительство (после окончания войны казна была не просто пуста, правительство Шиола вынуждено наделало огромнейшие долги) продало ему территорию, откуда в 2705 г оборотистый предприниматель получил дохода от добычи нефти не менее чем на 30 миллионов «корон».

Каренская нефть по качеству уступала патранской и абалакской, но зато и добыча ее обходилась в несколько раз дешевле – и потому, что она располагается ближе к поверхности, и потому, что издержки производства, прежде всего заработные платы, в колонии много ниже. В среднем глубина скважин впятеро меньше, чем в Тукане.

Всего вышек через десять лет в нефтяных районах насчитывалось около тысячи. Пробурить не достаточно. Компания «Стандарт нефть» взяла на себя строительство самого большого в мире перерабатывающего завода среди песчаных дюн и через три года после первого нефтяного фонтана заработали две ветки трубопровода, соединяющие скважины в джунглях с побережьем. Кроме того, требовались большие нефтехранилища-резервуары во всех крупных портах и склады, где можно было разделить поступившие партии керосина и разлить его в соответствующую тару для нужд розничной и оптовой торговли.

Но и этого Котлярову было мало! Он заранее дал заказ разработку и строительство более крупного и совершенного танкера, гарантирующего безопасность. Его танкеры проектировались так, чтобы учитывать свойство керосина расширяться и сжиматься при различных температурах, что снижало риск возгорания и взрыва.

В конце 2700 года Нолан Котляров спустил на воду десять новых судов, а в 2705 г ему принадлежали или были зафрактованы 65 танкеров новейшей постройки. На четверть века вперед он обеспечил своей компании почти 90 % всей нефти и ее производных в бассейне Тихого океана.

«Добыча нефти». Ансгар Юхани. Издательство Галдпер. Тукан.

Глава 4. Борс Ветров. Оружейник. 2695 г

Погруженное в горячую воду тело отмокало со всей приятностью в огромной чугунной ванне, а в голове гудело от мыслей. Давно он не задумывался о своей жизни. В таком ракурсе и вовсе никогда. Принимал как должное. Все-таки реплика Эли задела. Его деньги – чушь. Не просил и не нуждается. Но вот его дом. Его... кто? С Элей все ясно, а вот кто ему Ветровы? По традиции вроде сложности отсутствуют, да не в том веке живем. Родовые отношения давно в прошлом. А вот семья?

Стен задумавшись невольно вернулся на годы назад, вспоминая. У его родителей было шестеро детей. Элина старшая, он самый младший. Разница у них почти в пятнадцать лет и когда сеструха вышла замуж, еще без штанов бегал по улице. Лицо на фотокарточке, помнил он ее крайне смутно, больше по словам старших. Может, так бы и осталась она для него далекой и без особого интереса вспоминаемой родственницей, изредка присылающей подарки и письма, если бы не холера, нежданно нагрянувшая в их места.

Уже взрослым он много читал про это заболевание, пытаясь разобраться и обнаружил удивительную вещь – по статистике умирало около половины заболевших. Дети и старики чаще, молодые и крепкие люди реже. У них в деревне приблизительно так и вышло. Но не в его семье. Выжил он один. Почему? Нет объяснений. Судьба. Любой патран знает ее можно изменить, если хватит характера, но иногда ничего не сделаешь. Удача из дома или от человека уходит неизвестно почему. Неурожай, болезни скота, несчастный случай – заранее не предупредишь. В таких случаях есть древний рецепт – переселиться.

Врач в больнице помог восьмилетнему ребенку категорически не желающему возвращаться домой. Купил билет на поезд, попросил проводников проследить до нужной станции. Адрес Стен помнил твердо, его мать заставляла читать письма в качестве тренировки. Сама она не слишком грамотна была. Это не мешало ей верить в великую силу образования и заставлять всех детей непременноходить в школу. Отец вечно по этому поводу ворчал, не пытаясь сопротивляться. Теперь оказалось ничего не случается просто так. Пригодилось.

Он долго блуждал по городу в поисках. Спрашивать у взрослых стеснялся, дети Шамановых не знали. Почему-то Стен был уверен, что сеструха живет под своей фамилией. Семья строится на взаимном уважении: выходя замуж, жена сохраняет свое имя, имущество и право уйти от мужа, если жизнь с ним будет плоха. Но развод редок и фамилия в бумагах пишется мужская.

Уже к вечеру нарвался на дядьку в мундире, приняв его по наивности за полицейского. Человек, надзирающий за выполнением закона, просто обязан знать всех жителей района. Кто буен, а кто положителен во всех отношениях. Кроме того, прямо на улице на глазах у всех пошее не даст, все-таки должен охранять справедливость. Так он рассудил и подошел с вопросом. По ходу дела тот оказался горным мастером и мундир был совсем не тот, но после путанных объяснений отвел именно куда требовалось. Так он впервые попал к Ветровым.

Тогда Стен этого не понимал, осознание пришло с возрастом и когда точно, он и сам сказать бы не смог. Для мужа Элины Борса Ветрова он стал своего рода талисманом. У них много лет не было детей. К медикам он жену тоже возил и без толку. Поэтому свалившийся вдруг на голову смышленый мальчишка автоматически был принят за благословление Божье. А через год Элина вдруг забеременела. Борс никогда не был сильно религиозным, но в этом пункте он натурально сдвинулся.

Мы помогли Стену, а он принес в нас дом счастье. Это послание Бога и никак иначе. И с каждой новой беременностью жены убеждение все крепло. Он и на заводе Храм построил за свои деньги.

Троє детей и для всех Стен стал старшим братом и попутно нянькой. В его возрасте следить за малолетками было уже не слишком приятно, но он-то не городской. Для него подобные вещи нормальны. Как и помогать родителям в огороде или ходить за скотиной. Неудобств он не чувствовал. Скорее наоборот, приятно оказаться полезным. Пусть они не вполне одной крови – не имеет значение. Это его семья. Его личный Клан. И здесь его всегда ждали и из школы, и из университета, и из Шиола, а теперь и с войны. Не потому что им что-то от него требовалось. Просто были рады.

Стен вылез из ванны, когда вода стала холодной. Вытерся замечательным полотенцем, подаренным ему еще в детстве. Откуда его Эля за несколько минут успела извлечь он голову ломать не стал, просто мысленно поблагодарил. А вот подсунутые ему старые вещи не подошли.

Домашняя рубашка застегиваться не пожелала. Изрядно добавил мускулатуры и корчился в последние годы достаточно хорошо. Брюха не наел исключительно потому что лишний жир моментально выходит после дальних переходов или когда бегаешь под вражеским огнем. Лошадь у него имелась по штату, тем не менее, часть пути он обязательно продевал рядом с колонной пешком. Правильно или нет это смотрелось в глазах остальных офицеров меньше всего волновало. Свои парни из роты или Сводного отряда важнее.

Пришлось одеть хоть и чистую, но форму. В этом ему еще долго ходить придется. Прямо в носках вышел в коридор и, проходя в сторону столовой, невольно заглянул в открытую дверь. Присмотрелся и шагнул внутрь заинтересованный. Среди множества развешанных на стенах и расставленных в специальных стойках ружьях всех видов заинтересованный глаз мгновенно поймал новинку.

Борс Ветров был гений. Вполне вероятно единственный в своем роде. Начав в пятнадцать лет, он сконструировал свою первую однозарядную винтовку, изготовив для нее собственно-ручно ствол в мастерской отца, трудившегося одновременно кузнецом, слесарем, токарем и еще по десятку специальностей.

Насколько она получилась удачной Стен точно не знал, существовало несколько расходящихся кардинально версий, но с тех пор изобретатель получил огромное количество (не меньше сотни) патентов на оружие, добившись первого признания уже в 22 года. Тогда же и женился на абсолютной бесприданнице Элине Шамановой о чем судачили соседи не один год. Перспективный парень и собой недурен, а польстился чуть не на батрачку.

Попутно Борс изобрел специальный станок для нарезки дорожек в ружейном стволе. По конструкции он был втрое легче, проще и заметно дешевле любого аналогичного станка производства как Шиола, так прочих стран и одно время был немаловажным источником дохода.

Все это известно сегодня, а тогда маленькая мастерская с семью работниками особо не процветала. Изобретение и создание разводного гаечного ключа сделали имя Ветрова известным в определенных кругах, нисколько не добавив в карман наличности.

Все изменилось, когда объявившийся достаточно неожиданно хозяин одного из больших металлургических предприятий предложил любопытную сделку. Он получал контрольный пакет акций фирмы (отныне «Ветров и Котляров») вместе с ее разработками нынешними и будущими, предоставляя взамен производственное помещение, возможность не тратить время на административные проблемы, а сосредоточиться на том, что Борс умел лучше всего и дополнительно небольшой процент от продаж.

Нолан Котляров был отнюдь не дурак, иначе бы не стал тем, кем он стал – одним из наиболее богатых людей королевства. Предприниматель хорошо умел заинтересовать и своих сотрудников, и покупателей. Он никогда не жалел денег на модернизацию производства, рекламу и патенты. Этот проект для него был не главным, хотя и достаточно важным и дальнейшая почти тридцатилетняя история доказала его правоту и удачное вложение капитала.

Нолан чуял где деньги, как иные улавливают запах еды. Получив в наследство небольшой завод, выпускающий ложки и прочую хозяйственную мелочь он для начала умудрился приобрести за сущие гроши патент на изготовление бесшовных колесных рессор. На этом поприще неплохо заработал. Появилась первая механическая мастерская, первый прокатный цех, который вскоре стал для него слишком мал, новый кузнечный цех, чугунно-литейное производство.

Приглашенный за очень солидные деньги (никогда Котляров не жалел средств на новинки) из Северной Империи мастер разработал новый метод литья. Пропуская сильный поток воздуха через жидкий чугун, стало возможным получать очень высокие температуры, при которых металл оставался расплавленным и превращался в ковкую сталь. Это было серьезнейшим прорывом и предприниматель в кратчайшие сроки стал миллионщиком.

Но был у Котлярова любопытный пункттик, он не способен был постоянно заниматься одним делом. Достигнув определенного уровня, он принимался искать новые возможности продвинуться, теряя интерес к прежней деятельности. Не выбрасывал, упаси Бог! Просто передавал в управление доверенным лицам, сохраняя за собой контроль. А сам увлеченно принимался со всей возможной страстью поднимать новое дело.

Таким для него оказались нефтяной бизнес. Скупил на западном побережье Патрана почти две трети перспективных участков, при первом известии о серьезных запасах нефти. И не прогадал. Построил первый перерабатывающий завод и нефтепровод с запада на восток острова. Три четверти торговли керосином на Патране и до двадцати процентов на остальных территориях королевства контролировал до войны. Банки с горючей жидкостью, украшенные синей эмблемой, изображающей кота в короне знали все от мала, до велика.

Оружейный завод Ветрова был всего одним из нескольких его удачных проектов. Производительность и разнообразие выходящих из рук Борса всевозможных убийственных орудий все-рьез поражали. Он изобрел или значительно усовершенствовал однозарядные винтовки, винтовки рычажного принципа действия и оружие со скользящим затвором. Был наложен выпуск винтовки с помповой системой перезарядки и первой многозарядной винтовки под бездымный патрон. Его охотничья двустволка награждена несколькими международными наградами.

Не менее престижными были награды одноствольного «переломного ружья» с отъемным стволом как в гладкоствольном, так и в нарезном варианте. И любая из вышедших из его рук винтовок продолжала и в дальнейшем совершенствоваться. Практически у каждой модели существовали несколько модификаций, различаемых по годам выпуска. Исполнение всегда – рядовое, штучное и экспортное.

В основном упоре на охотничье оружие не было ничего удивительного. Не только богатые люди охотились. Оружие горца, а шире практически любого патрана было его гордостью. Оно всегда вычищено и блестит. Даже бедняки, обремененные тяжелыми сельскохозяйственными работами, старались иметь оружие лучшего качества. Спрос имелся всегда и собственная патронная фабрика, предусмотрительно организованная Котляровым без дела не стояла. Впрочем, все винтовки создавались под определенный калибр и сложности у покупателя никогда не возникали. Фирма в хорошие годы продавала миллионы патронов всевозможных калибров для винтовок и револьверов.

Тем не менее, лучший вариант для оружейного производителя государственный контракт. Магазинная винтовка, к сожалению, не подошла военному ведомству. Она была ничем не хуже «Литы», закупленной в фирме Коллинса из Шиола, но тут сыграли роль внутрикоролевские трения и пренебрежительное отношение к фирмам из Патрана. Да и упорные слухи о взятках генералам не на пустом месте родились.

Зато мощный прорыв Борс сделал на другом поле. Самозарядные пистолеты уже появлялись, однако механизм был ненадежен, ресурс мал и армейские специалисты по-прежнему предпочитали револьверы. Флот отнесся к новинке вышедшей из рук Ветрова с большей заинтересованностью. Тот даже разработал специальный пистолетный патрон, характеристики

которого оказались настолько хороши, что еще до войны он был признан стандартным боеприпасом для десятка стран.

БВ³ оказался очень удобным с высокой точностью стрельбы и запоминающимся силуэтом. Специальная анатомическая рукоятка стала фирменным знаком и врезалась в память мгновенно. Ни с чем не спутаешь. Моряков впечатлила надежность, скорострельность и малая отдача. БВ был принят на вооружение не только флота, но и взаимосвязанной с ним морской пехоты. Даже высокая цена не остановила. Это уже были тысячи экземпляров и серьезный успех.

В офицеры флота и морской пехоты, исключая инженерные и нестроевые должности, попадали исключительно дворяне и личное оружие требовалось соответствующего высокого уровня. Обращались и из-за границы, но начавшаяся война не дала возможности заключить контракты. Все и так забирали подчистую.

И все-таки БВ был сложен и дорог в производстве. Многие приобретали его из соображений престижа, но требовалась более дешевая модель. Предложение модернизировать и за счет этого уменьшить стоимость вело к снижению надежности и качества. Ветров пошел другим путем.

Стремясь закрепить успех и не допустить на перспективный рынок конкурентов, он представил уже через год в военное министерство самозарядный ПВ.⁴ Он имел совершенно другой дизайн. Форма и угол наклона рукоятки изменились, но по-прежнему присутствовало удобное удержание и плотныйхват.

Пистолет стал более технологичным и дешевым, а на конкурсе были выявлены превосходство над другими представленными моделями по надежности, прочности, легкости разборки и точности. Флот так и не отказался от первоначального контракта, зато ПВ приняла на вооружение армия, а потом и полиция. Во время войны оба пистолета производили по лицензии на нескольких шиольских заводах.

А вот сейчас Стен держал в руках нечто невиданное прежде. Стандартная шиольская армейская «Лита», фадзийский «Марут» или не столь известные «Цафон» и «Прок» ему хорошо знакомы. Это нечто совершенно новое. И, – он поиском и обнаружил искомое клеймо, – «В и К» присутствует. Новый карабин? Стало еще интереснее.

Магазинная коробка «Литы» вмещает пять патронов. «Марут» целый десяток. За что создателя оружия Коллинса и генералов взявших на вооружение оружие дружно проклинали многократно королевские солдаты. Будто не мог постараться и увеличить количество патронов. На войне – это важнейший фактор. Единственное что у фадзийцев действительно имелось лучшего качества – винтовки. А если учесть еще и вечный перевес в количестве желтопузых и узкоглазых, спасали исключительно пулеметы и артиллерия.

Здесь помещается десять патронов. Калибр совпадает с «Литой». Это правильно. Взаимозаменяемость и не требуется переделка технологических линий. Магазин стандартно неотъемный. Вес приблизительно тот же. Вскинул и убедился – балансировка прекрасная. Навскидку стрелять удобно. Карабин отличается прекрасным балансом и приспособлен для быстрого прицеливания, что очень важно при такой стрельбе.

– Автоматика позволяет не передергивать каждый раз затвор. Нажал – пали, – сообщил знакомый низкий голос. – СКВ. Скорострельный карабин Ветрова.

Стен положил карабин на стол и обнялся со своим зятем. Вид Борса его встревожил. Постарел, поседел. Не прошли даром годы.

– Кто беспокоится о продаже продукции? – делая удивленные глаза, воскликнул. А про себя подумал, что такие вещи в один день не делаются. Как бы Котляров со своими идеями

³ Борс Ветров.

⁴ Пистолет Ветрова.

не в большом пролете оказался. Явно не стал с ним Борс делиться новой разработкой, иначе Эля бы упомянула.

– Каждый нормальный горец приобретет. Да что там, с руками оторвет. Автоматика и дополнительное количество патронов в обойме, что еще надо для счастливой жизни? Патроны к «Марутам» скоро кончатся, во всяком случае, будут дороже стандартных. Да! Оптическая мастерская вышла на рабочий режим? Где бинокли, стереотрубы и панорамы, там и оптический прицел. 4-х кратный нормально.

– Цена, – со вздохом сказал Борс. – Стоимость карабина 22 «короны» по себестоимости, прицела за полтораста.

– Сколько?!!! В войну винтовки стоили шестьдесят!

– Это мы государству делали «Литы», на нем не грех и нажиться. Много деталей штампованных и стоимость производства снизилась. Тут можно выпустить на рынок и за тридцать пять для начала. Даже дешевле на пару «корон». Еще требуется просчитать и при массовом производстве себестоимость снизится. Он прост до примитивности, потом ради интереса проверишь – при неполной разборке делится на узлы, которые видя в первый раз интуитивно ставишь сразу на место. Толстая затворная коробка. Добротен и надежен. Полный цикл испытаний прошел. Разброс пуль по горизонтали как раз укладывается в ширину плеч «вероятного противника». Настрел около 800 выстрелов. Было два затыка патрона по вине стрелка. Он поначалу не умел снаряжать магазин. Больше никаких неприятностей не произошло.

– У тебя буквально минуту назад открылся для начала рынок на несколько десятков тысяч заказов, – серьезно заверил Шаманов. – В перспективе сотни тысяч.

– Если выбросят на рынок запасы с военных складов, мой карабин должен быть не дороже.

– Естественно. Но оптом через организацию отдашь еще на пару «корон» дешевле?

– У болтай своих ветеранов за тридцать два и в довесок они получат ремень брезентовый, маслёнку жестянную, пенал с принадлежностями, подсумок и две обоймы. Я серьезно. Этот можешь забрать как образец.

– Эля рассказала о моих планах?

– Ты ведь не просил ее хранить тайну? Уже взрослый мальчик и сам выбираешь дорогу. Просто помни – здесь тебе рады всегда. Ну-ка, – сказал Ветров совсем другим тоном, – практический совет, что именно требуется армии по впечатлениям ветерана.

– Автоматический карабин, ручной пулемет, не рассчитанный на длительное ведение огня, однако дающий достаточную мощь для огневого прикрытия подразделения. И пистолет с обоймой патронов на тридцать или даже больше. Все это весом не выше четырех килограмм. В идеале меньше, но я не верю в возможность сегодня добиться снижения веса настолько.

– Малый вес при длительной стрельбе тоже нехорошо. Отдача сильная, прицел уйдет.

– Уменьшить калибр? Тогда для компенсации еще неплохо бы крупнокалиберный пулемет.

– Ага, явно обдумывал.

Шаманов молча развел руками. Может из него и не вышел конструктор оружия, но соображалка прилично работала. Была возможность смотреть и сравнивать. И тактику действий подразделений до уровня полка он замечательно усвоил. Без академий – из личного опыта.

– Карабин, пулеметы – это все понятно… Первое ты уже видел, второе напрашивается. – У Стена осталось четкое ощущение, что зять уже обсасывал подобную мысль без его откровений. – Но вот этот твой пистолет-пулемет на тридцать патронов? Смысл? Дальность при слабой пистолетной пуле минимальная.

– Ха! Хорошее название. Пистолет-пулемет. ПП. Патентуй! Я хотел назвать подпулемет. Реально, – пояснил, – в городских, окопных боях в лесу – максимум двести метров дальности

требуется. Винтовочная пуля и прицел на лигу избыточны. Оружие не для всех – командиру отделения. У остальных обычные карабины.

Глаза Борса знакомо остекленели, как всегда, когда он обдумывал перспективную идею и забормотал еле слышно явно не для слушателя:

«Маломощный патрон упрощает и удешевляет конструкцию в целом. Габариты малы, а значит и вес. Отдача низкая. Армия вряд ли заинтересуется в ближайшее время, а мысль любопытная. Серьезная огневая мощь для ближнего боя без пулемета».

– Сколько можно вас ждать! – возмущенно воскликнула, врываюсь в кабинет девушка. – Семейный ужин стынет! Все изголодались и мечтают о кусочеке хлеба!

– О! – сказал изумленно Стен, пораженный ее видом.

Три с лишним года назад он оставил угловатого подростка теоретически женского пола. Сейчас сомнений не осталось. Не мальчик.

Слишком часто для девочки она тогда дралась с соседскими детьми и ковырялась в механизмах. Наследственность, осложненная общением лично с ним в качестве няньки. Вместо игры в куклы они постоянно совместно изобретали нечто странное, из притащенных им всевозможных деталей. Если можно на эту резьбу присобачить вот эту трубу, для чего приспособить в результате? Обычно все разбиралось, не найдя применения и хранилось для следующего раза, но далеко не всегда. Как минимум насос для полива двора вышел удачным и несколько лет выпускался маленькими партиями на отцовском заводе.

– Мата?

– Да это я, – гордо заявила девушка и повернулась, давая себя осмотреть со всех сторон.

Короткое платье для того и было надето, чтобы подчеркивать уже не детскую фигуру и показывать ноги. До колен оно еще не доходило, но тенденция к укорачиванию присутствовала. А прическа! Куда девались длинные волосы? Но смотрится. Положительно он отстал от нормальной жизни и особенно много потерял без женского общества.

– Замечательный вид, – подтвердил авторитетно он.

– Ты тоже ничего, – снисходительно заверила, – наклонись, – поцелуй в лоб, легкий запах духов, – был бы ты мне не родственником, – задумчиво прокомментировала.

– Юбки короткие, – возвращаясь из неведомых далей на землю, с неудовольствием сказал отец, – волосы обрезанные, каблуки высокие, а потихоньку наверняка и табаком балуется!

– Мне семнадцатый год, – отмахиваясь, заявила Мата и я просто обязана порхать по балам и приемам. И быть в курсе современной моды.

– На мотоцикле гонять в черной кожаной куртке. Куда катится современная молодежь? – патетически застонал Борс. – Особого гнева в высказывании не наблюдалось. Обычное привычное брюзжание.

– На чем? – не понял Стен.

– У папы на заводе делали бронеавтомобили, а для них требовалась бензиновые двигатели. Ну ты ж знаешь Твина Орехова? Он заинтересовался и сделал несколько малолитражных моторов в качестве образцов, улучшая работу и обтачивая идеи. Два удачные, на 6 и 7 лошадиных сил. А я нашла возможность применить!

– Велосипед с двигателем соорудила собственными руками, – сейчас в голосе отца было самое настояще одобрение. – Не она первая, зато очень удачно получилось. Между прочим, тоже вариант для производства на будущее, только стоит такая игрушка две тысячи, а еще и прибыль требуется. Нормальному человеку совершенно неподъемные деньжищи.

– А в качестве движителя на лодки поставить? – полюбопытствовал Шаманов. – Тут вообще огромный рынок. Сколько народу рыбачит! И не обязательно на море. Реки, озера.

– Хочешь стать миллионером? – после секундной запинки спросила Мата. – Откроем компанию на троих. Твин конструктор, я мастер и испытатель, с тебя деньги и идеи.

– Но-но, – возмутился Борс, – двигательист пока на меня работает и практически все материалы вы брали на заводе. Баловство баловством, а тут не мешает серьезный разговор. Не сейчас, – остановил дочь, подняв руку, – после ужина. Один Мрак, у этого денег нет.

– Почему нет? – обиделся Стен. Я вас всех богаче! Надо проверить счет в банке. За три года моего отсутствия должно было неплохо набежать. По десять сантимов с каждого проданного экземпляра моего изобретения… Несколько тысяч гарантирую. А то и за пару десятков.

Про пять тысяч отложенных с офицерского жалованья он докладывать не стал. Жить тоже на что то надо в ближайшее время.

– Если мне обещают миллионы через несколько лет, непременно дам под будущие прибыли. С высокими процентами. Я жадный.

– Первый вариант двигателя, – с подозрительным блеском в глазах сказала Мата, – сделанный Твином в самом начале, имел мощность 1,5 л. с., весил 28 кг и стоил 62 «короны». Мотоциклу не подойдет, для лодки в самый раз. Проверка не помешает, конечно. Если договоримся об аренде кой каких станков с папой за невысокую плату… С тебя капитал в полном объеме.

– Договоримся, – легко согласился Шаманов.

– После ужина, – твердо приказал Борс. – И желательно по деловому. Эля в расчетах дока, привлечем для изучения договора. А заодно и Орехова не мешает спросить.

– Ха! – темпераментно отвергла возражение Мата. – Пусть попробует мне отказать!

– А Тea и Кормик тоже сильно изменились? – с опаской спросил Стен. Средней дочери было пятнадцать, младшему сыну тринадцать.

В приличной семье ровно в шесть положено было присутствовать за столом переодетыми, причесанными и за своим местом. Чинно поздороваться со взрослыми и перед принятием пищи помолиться. Тщательно пережевывая пищу не вздумать мешать отцу глубоко мыслить, а матери управлять слугами. В сумасшедшей семье Ветровых обычно за столом обсуждали семейные дела и если Борс в очередной раз погружался в свои расчеты и раздумья, спокойно беседовали и без него, не опасаясь гневного выговора и наказания. Это была семья, а не aristokratischeski выдержаные, ненавидящие друг друга родственники. А среди своих бывает ругаются и даже дерутся, выступая единым фронтом против чужаков.

– Тea нормальная девочка, – заверил Ветров, – думает про мальчиков и рисует красивые платья в тетрадке. А Кормик пока сам не знает что хочет. Ты уж не рассказывай про героизм в бою, не надо его с толку сбивать.

– Да ни за что! – заверил Шаманов. – Худшей гадости, чем рукопашная придумать невозможно, – и поспешно заткнулся, оценив взгляд Маты. Уважение пополам с любопытством. Вырасти-то выросла, но реальной жизни пока не видела. Надо лучше следить за языком. Чуть было не начал делиться наблюдениями про то, как смотрятся вываленные наружу молодецким ударом клинка кишки или ранения осколками снаряда. Не для женских и детских ушей подобные воспоминания.

Интерлюдия

В чем разница между патранским и хорошо знакомым нам серканским крестьянином? Приведу наглядный пример. Сепаратор Скобова, изобретенный в 2672 г всем прекрасно знаком. Сегодня он применяется буквально везде, где требуется разделить смесь жидкостей или выделить твердые примеси из жидкости, при условии существования хотя бы самой незначительной разницы в удельном весе разделяемых частей смеси.

Пол столетия назад их впервые применили для изготовления масла из молока. До распространения сепараторов масло перевозилось лишь в топленом виде, причем несмотря на очень высокое содержание жировых веществ, расценивался продукт очень низко. Введение сепараторов внесло переворот в молочное дело и создало совершенно новую промышленность по выделке сливочного масла.

Если за пять лет после появления первого сепаратора было продано всего 500 штук, то за предвоенное пятилетие в королевстве приобрели свыше 55 тысяч сепараторов. Изготавляемые добросовестно сепараторы, на глазах превратились в товар, который покупался каждым фермером и крестьянином раз на всю жизнь, ибо он мог служить очень долгое время.

Вместе с распространением сепараторов шла продажа и других машин, нужных молочной промышленности: маслобоек, холодильников, маслообработников, пастеризаторов, фильтров, и принадлежностей, служащих для переработки молока и производства молочных продуктов.

У нас тоже производились дочерней фирмой «Скобов-Север» сепараторы. А результат? Достаточно открыть газеты за соответствующие годы. Обнаружится удивительная вещь под названием «молочные бунты». Крестьянские общества повсеместно вдруг охватило массовое стремление к закрытию маслодельных заводов, о чем составлялись общественные мирские приговоры. Во многих деревнях общества потребовали, чтобы не только были закрыты заводы, но и маслоделы-хозяева и мастера оставили бы немедленно селения. Нежелание подчиниться такому требованию со стороны маслоделов вызывало принудительное изгнание их, сопровождающееся избиениями и другими видами насилия.

Главная и особенно «убедительная» причина данных действий заключалась в том, что засуха вызвана маслоделами, которые «отводят тучи». Всякая случайность, неловко брошенное слово – все истолковывалось в определенном смысле, указывающем на вредоносность маслоделов и употребляемых ими машин и инструментов. Легенда эта, в разнообразнейших вариациях, со всевозможными подробностями, указаниями мест действия и имен свидетелей, передавалась из уста в уста и принимала в глазах деревенского жителя значение реального факта не оставляющих сомнений: пора громить маслоделательные заводы!

Почему патранские крестьяне ничуть не образованнее и столь же невежественные никогда не боролись с внедрением новшеств, повышающих эффективность труда? Они легко принимали перемены и видимо причина лежит в религии. Сказано в «Изначальной книге» о необходимости и полезности знания, наряду с верой и праведностью. Достижение материального достатка среди них всегда рассматривалось в качестве критерия полезности трудовой деятельности не только для семьи, но Клана. А здесь уже места для злобы и зависти не остается. Открыть фабрику – это такое же богоугодное дело, как и молитва.

Ничего не напоминает? Да нашу же собственную промышленно-торговую элиту! Девять из десяти состоят в общине аголинов, проповедующих необходимость работать добросовестно и усердно.

*Статья «Индустриальная революция – достижения и проблемы».
Университет Карунаса.*

Глава 5. Макс Геллер. Образованный снайпер. 2695 г

Макс машинально присел, собираясь вновь натянуть хромовые сапоги и усмехнулся. Обувку требуется беречь и надевать исключительно для походов молельный дом или по праздникам. Еще зимой. В остальное время можно походить и босым. Это не экономия – практичность. Зря про горцев анекдоты рассказывают, подчеркивая скучность. Если требуются для гостя или родича, с себя последнее снимет, страдать и не вздумает. Просто магазинного здесь почти и нет. Беречь надо и показывать не часто.

Как моментально вспомнились старые привычки, стоило показаться знакомым горам. Поднявшись на перевал, видишь внизу знакомые с детства места и коричневые горы, упирающиеся в небо. Там ко многому относятся совсем иначе, чем в долинах. Ага! И это выскочило. Там внизу. Будто здесь живут не в таком же ущелье, просто выше в горах.

Ну да сегодня он при полном параде. Вычищенная форма, две медали и орден – есть на что поглазеть соседям. Пройтись по улице после длительного отсутствия и не попасть на язык – такого не бывает. Дома стоят достаточно далеко друг от друга и взбираются на склоны холма, так что не пропустят внимательные наблюдатели никого. Почти как в театре расположение, чтобы не закрывать возможность поглазеть соседям.

Конечно, гораздо лучше приехать с форсом на собственной «линейке» с горячим рысаком, демонстративно держась с независимым и скучающим видом, но он не собирался впустую из себя изображать очередного пускающего в глаза пыль. Деньги у него имелись, однако глупо раскидываться ими не собирался.

Уже возле первых домов, заметив знакомый водопой, он свернул направо и двинулся вверх по широкой тропе. Когда-то здесь был родник, со временем обложили камнями. Говорят в старину было положено приходя из дальних странствий непременно обливаться здешней водой, смывая с себя случайно прихваченную чужость. Но сейчас ему не до этого. Не по сыновни не навестить. Остальное подождет, мать огорчать нельзя.

Как и деревня, кладбище было старинным и давно расползлось с первоначального маленького участка по здешним холмам, благо почва глинистая и никто не претендовал что-либо сажать. Зимой оно заносилось глубоким снегом, так что обнаружить без точного знания могилу практически невозможно. Да и в другое время не слишком выделялись. Все зарастало травой, чуть ли не в рост человека.

Горные Кланы не считали нужным особо выделять места захоронения и памятники не ставили. Каждый приходя клал камень в кучу у изголовья и всегда заметно кого вспоминают чаще, а к кому не наведываются. Да и не принято без причины захаживать на погост. Все знают: не стоит лишний раз тревожить покой мертвых. Здесь нашло последнее место не одно поколение Геллеров. Со времен восстания Ангуса они здесь хозяйничают и тут ложатся в каменистую землю.

Макс убрал с могилы желтые осенни листья и принесенный ветром мусор. Встал на колени и долго молился. Услышат его печаль на Небесах или нет, не волновало. Он это делал не по обязанности, а от души. Поднялся и, отряхнув брюки, присел на маленькую скамеечку, с одобрением вспомнив дядьку Либана.

Тяжелый человек. Вечно молчит, смотрит исподлобья и вид угрюмый. Жесткий, упрямый и справедливый, готовый пойти против всех в принципиальном вопросе. Если уж примется веско говорить, не отмахивайся, на пользу. Зря не скажет. Недаром его вся округа уважала и внимательно выслушивала мнение. Уж до работы жадный как никто. Большой в поле выйдет и не остановится, пока необходимое не закончит. И не из скучости или страха перед будущим – не умеет жить по-другому.

Вот и здесь Макс не просил, а сделано все в лучшем виде. И оградку выложил, и каменную плиту под столик для угощения приволок, и место для удобного сиденья приготовил. А деньги – мусор. Не из благодарности за переводы Либан старался.

Тогда Макс долго бродил у дома на морозе не понимая как жить дальше. Единственный близкий человек умер и совсем не старая была мать. Сам не знал, о чем думал и ведь нашел его дядька и привел к себе. Так ничего и не сумел сказать, язык у него будто гвоздем прибит к челюсти, зато действовал. И Макс это запомнил. Как и что произошло два дня спустя.

Он достал из мешка хлеб, кусок сыра и бутылку казенки. Плеснул на могилу ровно половину, положил еду и сказал: «За тебя, мама», глотнул из горлышка, закусив горбушкой. Особо поведать нового ничего не имелось, он и так постоянно мысленно с ней обсуждал свои дела и ни с кем подобными вещами не делился, предпочитая помалкивать. Тревожить лишний раз мертвых заботами не считалось правильным. Ну да плевать ему на общество и его правила.

Он оглянулся на шорох листьев и обнаружил всю здешнюю власть в единственном экземпляре. Толстый, с красной рожей, моментально подсказывающей незнакомым с ним людям про любовь к выпивке, уже пожилой коренастый мужчина в мундире сержанта жандармерии, при гражданских брюках и отсутствующих сапогах. Когда-то он тоже повоевал и больше ни дня не трудился на земле. Пятнадцать лет службы в армии давали привилегии и возможность после краткого инструктажа выполнять обязанности надзирающего за законностью.

Уж насколько сержант Бодров знал криминальный кодекс, Макс охоты выяснять не имел, но обычно углубленные познания и не требовались. Очень редко в округе случалось нечто действительно серьезное, а подавляющее большинство происшествий решались полюбовно, без обращения к начальству. А посему жандарм изредка отправлялся с проверками в другие деревни в отведенном ему районе, не столько в надежде выловить правонарушителей, сколько в расчете на обильную кормежку и приятное времяпровождение подальше от жены и трех отпрысков.

А в промежутках его всегда можно было обнаружить на террасе единственного в здешних краях приличного (по местным масштабам) магазина, попивающего пиво, а то и что покрепче. Производство самогоня на Патре было запрещено. Алкоголь монополия государства. Тем не менее, в горах его делали все, не пытаясь прятаться. Слишком дорого платить за акциз.

Покупали в основном для ублажения начальника или соседа, когда происходило нечто из ряда вон выходящее и требовалось поощрение за оказанную помощь. По будням прекрасно обходились продуктом своего изготовления. Если и появлялся с грозным видом жандарм, так исключительно с целью получить свою долю. За все годы он ни разу не составил протокол на самогонщиков. А поддатый пребывал регулярно.

– Ты, Макс? – прищурившись, спросил Бодров неуверенно.

– Я, господин сержант, – согласился тот. – Будете?

– Хорошая была женщина, – не ломаясь, принял жандарм бутылку и отхлебнул большой глоток. – Пусть Судья Всезнающий будет благосклонен к делам ее.

Говорил он на местном варианте крэльского, даром приехал двадцать с лишним лет назад из долины. При жене, известной склонным характером на всю округу, еще и не то выучишь. Шиольский в горах знали немногие, а она еще и принципиально не желала на нем общаться, громогласно поминая свою родословную, якобы тянущуюся от герцогов. Как при этом ее племенная нелюбовь к королевству уживалась с неместным мужем (хотя и патраном) тайна была глубока и в детстве очень Макса волновала.

А обидного в его словах ничего не имелось. У кого другого вполне вероятно, не у Бодрова. Простой мужик без заумствования. Что на уме, то и языке. Вечных кривых намеков скорее от баб приходилось ждать. Мальчишек-то он еще в детстве отучил. Кому носом разбитым, а кому и ногой сломанной. Его одно время всерьез боялись в деревне и на прощанье он доказал – не зря.

– Кто сообщил про меня?

– Да… видела страниц, Ви то урадите… слом за нас⁵ – спросил Бодров насторожено.

– Не. Два или три дана. Ујак да посетите са породицом да разговарају.⁶ Сам не заметил, как заговорил на диалекте.

Макс старательно делая серьезный вид показал на могилу. Затем вниз на дома.

– Это хорошо, – глубокомысленно сказал Бодров и допил остатки. – В городе оно интереснее, чем у нас. Он подумал и добавил: – А ты герой, что ж таким в наших краях делать.

В голосе прозвучала зависть. Сержанта Бодров выслужил, а вот наград не имел. Всем известная история из его уст, давно превратившаяся в сказку, повествовала о похлопавшем его по плечу командире полка. Видимо предел мечтаний. Имел Макс всех своих знакомых офицеров за редчайшим исключением. Было б кого уважать.

Самомнение у аристократов имеется и все. А кровь у всех одинаковая. За ним не меньше двух десятков фадзийских и два шиольских числятся. Правда, королевство о причине гибели двух своих военных не в курсе. Нема дурных рассказывать. Вон Шаманов спроводил навстречу с Верховным Судией капитана Гриффина, а он чем хуже? Эти были не менее гадостные типы.

– Конечно, конечно, – заверил жандарм, аккуратно ставя бутылку на землю. – Как ж не проведать родные места. Ежели шо – заходи.

Пусть к тебе Слиповы если что бегут жаловаться, подумал Макс, чувствуя за поясом приятную тяжесть пистолета. Тогда это вышло случайно. Сказать на похоронах «шлюхин сын» и не получить в морду? За кого они меня держали? За франтика городского? Убивать не хотел. Так вышло. Нечего было дурной головой о камень трескаться. А вот угрызений совести не чувствую. Ни тогда, ни сейчас. За слова тоже надо платить. За подобные – кровью. Уж кости бы я ему точняк переломал. И уж взяли монеты (даже не подозревал, что у дядьки золото есть) пусть попробуют возникнуть. По закону Клана мир заключили. Я буду в своем праве ответить.

– Удачи тебе, – вполне искренне пожелал Бодров, прощаясь.

Хороший в принципе мужик, никому гадостей не делал. И Максу в каком-то смысле помог. Вместо того чтобы волочь вниз в тюрьму из долины и устраивать шум, сработал посредником между семьями. Либан заплатил виру за убитого, а Макс на всякий случай отправился добровольцем войну. Торчать рядом, неизвестно долго ли стерпят родственники. А так все довольны. А уж в окопах Бог решил – жить ему, соответственно невиновен.

На самом деле он и так каяться не собирался. Всю жизнь с детства ему тыкали в нос отсутствием отца. Вернее отец имелся и совсем не бедный. Один проблема – у него другая семья и дети. А Макс выходит непризнанный, хотя за его учебу платили. Десятилетку закончил. Для здешних практически чудо.

В деревне имелось четыре класса, а дальше требовалось ехать в город. А там платить, как минимум, за проживание, учебники и еду. Не каждый мог себе позволить. Как и трехлетнюю учебу в высшем торговом училище. Туда из грухов он первым попал. Вполне мог стать солидным, обеспеченным банкиром или управляющим. С хорошими оценками из Утнокского училища в серьезные торговые компании брали охотно. Он успел поработать свыше года, пока не потребовалась вернуться домой из-за матери.

Случилось то, что случилось. Отца Макс ненавидел и позови он его вручить миллион, не пошевели бы ухом. Пусть задавится. Мать совсем иное дело. Он с детства знал – она не стыдилась его и всегда заботилась. Если бы потребовалось, умерла бы за сына. Смерть не спрашивает и приходит без извещения. В течение трех месяцев неожиданно угасла и не помогли операция с лекарствами, после которой в доме ничего ценного не осталось. А потом в нем что-то сломалось. Дело даже не в войне, она утвердила его в решении, закалив в огне и боях.

⁵ Да… заметили чужака. Ты это… надолго до нас?

⁶ Нет. два три дня. Дядьку проведать, с семьей пообщаться.

Некому стало гордиться Максом и он спокойно пошел другой дорогой. На ней уже было много крови, а будет еще больше. Он сам не боялся смерти и собирался нести ее другим.

* * *

Либан долго таскал его за собой, показывая хозяйство. По сравнению с соседями Геллеры жили зажиточно. Земля благодаря дядькиным стараниям удобрялась, вовремя и качественно обрабатывалась и жила дружная семья неплохо. И скотины у них прибавилось. Две коровы с теленком, четыре лошади (огромное богатство!), местной низкорослой породы, но страшно выносливые. Они способны тащить в одиночку тяжело груженый воз. Овцы, как раз не обычной породы. Шерсть у них была много длиннее, шелковистее и плотнее. Куры, свиньи (годовалого боровка закололи специально к его визиту), гуси.

Следом пришлось внимательно изучать сельскохозяйственные машины, приобретенные на его сержантские капиталы. Как оказалось, в горах при рачительном употреблении они смотрятся совсем не мелочью. Сослуживцы и не подозревали, а Макс оставлял себе практически на сигареты и то курить бросил из экономии. Либан отдал за него запрятанное на черный день и он это крепко запомнил.

Это не возврат, от него никто не требовал – это восстановление справедливости. Ему они на фронте редко были необходимы, а здесь от мелочи могло зависеть выживание семьи. И про свои забавы, когда он у фадзийских трупаков золотые пломбы выковыривал, ни с кем не делился. Не то чтобы другие солдаты осудили, не он один такой, но объяснять ничего не хотел. Привез дядьке в подарок, расплавив предварительно. А то ведь пошлет с такими подношениями. Покойников обирать грех.

Новенький сепаратор, крупорушка, молотилка, сенокосилка, ручная соломорезка, свекловыжималка, веялка. Много всего. К управлению допускался или Либан, или его заметно подросший сын Логан. Старшая дочка в прошлом году вышла замуж в долине.

Отправил ее отец туда учиться в средней школе, а она нашла себе пригожего паренька из семьи с неплохим достатком. Одно название родителей спросили о благословлении. Заупрямься – обошлись бы без разрешения. Появлялась дома она редко из-за расстояния и собственного хозяйства. Зато обещала вскорости подарить внука или внучку.

После этого желание старшего Геллера отправить в учение и младшую, закончившую четырехлетку в деревне, привело всю округу в восхищение. Долго бабы обсуждали, присмотрел Либан себе второго зятя или в скорости ожидается сюрприз.

Так что все держалось на дядьке и его семнадцатилетнем сыне. Ни одному постороннему человеку, пусть он трижды добросовестен, он технику не доверял. Еще не хватает вручить собственное важнейшее имущество в чужие руки. Технику можно поломать, лошадей загнать, замучить, вовремя не накормить, не напоить. Не свое!

Все это звучало в основном от Логана, его отец предпочитал скромные жесты и внимательно наблюдал за произведенным на гостя впечатлением. Письма Макс получал не часто и состояли они в основном из бесконечных приветов от родственников и рассказов куда потрачены его деньги. На просьбы тратить как им угодно, не спрашиваясь, ответа не следовало и все продолжалось в неизменном виде.

Это еще ничего. Кое-кто из его сослуживцев получал стандартные письма. На почте для малограмотных или неграмотных предлагали к определенным датам стандартные писульки. Оставалось вписать имя, а адрес рисовал почтальон. Все-таки его родня четыре класса в местной школе вся прошла и написать связный текст умела. С трудом, но раз в три-четыре месяца можно и постараться. Тем более, он в своем роде, достаточно известен в округе и похвастаться очередным пришедшим письмом или денежным переводом всегда приятно.

Судя по установившейся погоде и озимым, год обещал быть очень урожайным, – вещал Логан. – Еще в начале весны сошел снег, что в конце позволило посадить картошку и отсеяться достаточно рано. После солнечных дней, сменившихся теплым дождем, поля быстро зазеленели, а в лугах, быстро пошла в рост трава.

Макс затосковал. Он и раньше не чувствовал в себе призыва ковыряться в земле, а уехав учиться двенадцать лет назад, появлялся дома лишь летом. Тут и работа на короткое время может стать в охотку, но заниматься этим всю жизнь? Магазинными здесь были лишь инструменты, которые кузнец сотворить не в состоянии. Даже мыло варили из павших животных и стирали по старинке мочой и глиной.

– Пойди, посмотри, банька уже готова? – неожиданно сказал Либан сыну, прерывая его на середине фразы.

Тот, не переспрашивая, послушно удалился. Макс невольно восхитился. Отвык он от здешней патриархальности и отсутствия возражений старшим. В порядке вещей, когда дед порет повинившегося отца, а тому уже под сорок. Даже в армии не так тяжко. В звании повышают по заслугам (не всегда), а не за возраст.

– Уедешь, – утвердительно сказал дядька.

– Не мое это, да и на землю претендовать не собираюсь, – прислонившись к забору, заверил племянник.

– И зря, – резко ответил Либан. – Свою собственность надо всегда ценить и беречь, потому что, не легко онадается. Пустить на ветер любой сможет. Приумножить для детей сложнее.

– Либан, – спросил Макс, – меня для того мать отправила учиться, чтобы я вернулся и в навозе ковырялся?

Дядька молча пожал плечами, всем видом выражая недовольство и возмущение. До него не доходило, как в принципе можно отказаться от своей земли. От своих корней. От связей с родственниками. А навоз – удобрение ничего ужасного в нем не присутствует.

– Место будешь искать?

Подразумевалось с хорошим жалованием и дальнейшей перспективой.

– Есть интересная идея.

Либан внимательно выслушал и скривился:

– В политику нонечка лезут кому не лень, а пользы для деревни она не принесла. Прогрессисты, популяры, – дальшеозвучало непечатное. – А что удивляешься, газеты читаем. Наша забота вовремя посеять, убрать. Толковый крестьянин всегда выживет. Неужто и впрямь политика такое доходное дело? – спросил после паузы озадаченно.

– А коли я не для себя, а для всех?

Макс заранее знал, всерьез обсуждать это в деревне глупо. Лендлорды в их краях не водились и основной проблемы арендаторов – повышения платы не существовало. Свой клочок земли с незапамятных времен имелся. Политика по здешним понятиям была дурость городских и существовала отдельно от деревни. Повседневные будничные заботы не особо навевали желание интересоваться событиями, происходящими в соседней долине. Что уж говорить о побережье или метрополии.

Идеологические или политические бури, если и случались, крайне редко задевали кралистых здешних мужиков с мозолистыми руками. Большинству крестьян совершенно безразлично, кто там наверху ими управляет. Лишь бы лишний раз не трогали. Где находятся Каренские острова, и на кой Макс там три года болтался редко кому известно. Вот причину отъезда все помнить будут до смерти.

– Я думал ты умнее, да видать образование мозгов не добавляет, – скорбно качая головой, удивился Либан.

Макс невольно рассмеялся. Он сам недавно почти слово в слово подобное сказал.

– Нельзя вечно сидеть в горах. Случись завтра очередной налог и что? Жаловаться здесь некому, а в город, никто из вас не поедет по той простой причине, что неизвестно, к кому там и обратиться. Будете пыхтеть и платить.

– А ты все измениши! – с непередаваемым сарказмом в голосе согласился дядька.

– Мы. В одиночку бесполезно и пробовать. Для безродных, но достаточно честолюбивых попасть наверх много значит.

С дядькой он не стеснялся говорить о том, за что другому обязательно вырвал бы язык, посмей сказать нечто подобное вслух.

– Вона как, – протянул Либан. – Мы. Ты и твои товарищи. Вы вчера под смертью ходили, сегодня вместе за властью устремились.

– Да! Лучшая проверка для человека война. Там сразу видно кто чего стоит.

– Она закончилась. Теперь вы все хотите получить жирный кусок. А каравай не обязательно резать поровну.

– И что?

– Тогда подумай… Кто за своего вступится коли не семья и Клан? По сторонам глянь. Кабаки и рестораны кто держат? Итины. Хлеботорговля и даже буточники – насаги. Рыболовецкий промысел и консервные заводы – таузы, бакалея – сиолы…

– Ну не совсем так, – удивился неожиданным познаниям племянник, – но я понял.

Действительно, посмотреть внимательно, так обувь делают люди из определенных Кланов, шляпы и одежду шьют совсем иные, извозом занимаются почти всегда сиромы и даже на заводах и шахтах нередко выходцы из одних мест…

– Потому как свояка тянут. Сам устроился – помоги другому. А кому? Знакомому. Родственнику. Кого соседи или добрые люди посоветовали и плохого не скажут. Не все пробыются и не каждый доволен, зато при деле. А грухи где?

Наши все больше в долины идут, согласно кивнул Макс. Знакомое дело. Когда голодных ртов становилось с избытком, многие родители отправляли своих отпрысков на заработки в низины. Там редко плохо принимали. Все в курсе: приходят трудолюбивые молодые люди и всегда можно проверить с кем имеешь дело.

Отработав оговоренный срок, часть из них, обратно так и не возвращалась, особенно девушки, находя на новом месте своё семейное счастье. Связи между горными и долинными Кланами давно стали нормой, но действительно в города горцы шли редко, предпочитая знакомый труд на земле. А в промышленности целые отрасли были оккупированы выходцами из одного района, Клана, крайне редко племени.

– Понял, – довольно сказал Либан. – Идешь в политику, веди за собой наших ребят. Они выполняют твой приказ, а ты их потащишь за собой. Выше.

Макс хмыкнул. Занимательное дело. Кто идет на шахты, а кто в политику. А какая разница? И там, и там попытка выйти в люди. Парням сегодня все равно, им бы авторитетного человека, а слушаться старших научили в детстве.

– Есть кто на примет?

Либан удовлетворено кивнул. Племянник не стал изображать сильно умного и вытаскивать свои дипломы. Правильный совет с вежеством принимает – будет из него толк.

– Ты когда последний раз в Молельном доме был?

– Если нет иной возможности разрешено ходить в Ортодоксальную церковь, – поскучнев, сообщил Макс, основательно подзабывший, когда он посещал службу, – токмо исповедоваться запрещено и признавать над собой власть духовную епископата.

Горы испокон веков верующий край. Здесь веруют в Бога не формально, а на самом серьезе, и по всей правде. И это прекрасно совмещается с явными пережитками древних времен. Каждые пять лет все мужское население старше двадцати одного года собирается у ста-

ринного дуба, выслушивая отчет предводителя Клана или избирая нового. Естественно если умирает старый, то встреча состоится раньше, но сроки стараются выдерживать четко.

Из каких глубин веков идет обычай неизвестно, но древние хроники зафиксировали традицию еще у аборигенов. И именно в горах наиболее сильно пустила корни реформация. Что-то все-таки передается из прошлого и кровь ассимилированных народов не слишком благосклонна к ортодоксам.

И в остальном горцы ведут столетиями ничуть не меняющийся образ жизни. Сельскохозяйственная самодостаточность, стремление поменьше общаться с представителями власти и не показная вера. Молельные дома давно стали центрами общественной жизни. Стандартная приземистая постройка не особо отличающаяся от обычных домов имела обычно веранду, где собирались решая спорные вопросы жители деревень. По выходным здесь общались все и обменивались последними новостями. Обговаривали сделки, свадьбы и многое другое.

– Значит, завтра пойдем всей семьей, – твердо сказал Либан.

Макс покорно кивнул. Приятного мало, когда на тебя пялятся и обсуждают за спиной практически открыто, однако делать нечего. От похода не отвертеться.

– А после исповеди, – нажимая на «исповедь» продолжил дядька, – пообщашься с нашими парнями. Посмотришь, кто чем дышит. Себя покажешь. Байками армейскими поделишься и наградами посверкаешь.

Макс озадачено моргнул. Конечно, молодежь всегда собиралась после молитвы и проповеди. Именно потом легко встретиться, не привлекая внимания окружающих еще и с девушкой. Принести выпивку и закуску, баян или гитару и показать себя во всей красе. Понятно, не возле стен молельного дома, а слегка подальше. Это был день отдыха и гуляний. Летом шли на опушку, в холодное время собирались у кого-нибудь в сарае и весело проводили время.

– С Логаном поговорю, выясню насчет его одногодков.

– А я созву всех сродичей, – произнес довольно дядька. Ему предложение понравилось. – Много у нас нонече подросло пареньков и хуже всего в малоземельных фамилиях. Ежели уходить в люди, почему не с тобой? Соберемся, обсудим и решим, кого в город отправлять. Вот опосля и проверим, – подмигивая, заявил Либан, – насколько в людях разбираешься. Когда сравним имена.

– Не зря я приехал, – честно сказал Макс. – Пусть твои закрома наполняются хлебом всегда и Бог будет благосклонен к тебе и семье.

– Помнишь, – одобрил дядька. – Обычно обещают еще на пиво свежее заглянуть. У нас будет самогонка. Как спивать станут – все дела серьезные обсудили и постановление вынесли. Заходи – дай и мужикам на тебя глянуть. Половину небойсь и не вспомнишь, мал был, разве на похоронах матери видеть мог. Да и им любопытственно на героя глянуть… Слушай, – просьительно сказал, – а вправду за что ордена дали?

– В основном за убийства дядя. Они на тебя прут кучей, а ты стреляешь. И выбора на самом деле нет. Побежишь – тебя порубят. Вот и стоишь до конца и других заставляешь. Иногда пинками. Храбрость, самоотверженность, верность долгу – это в бумагах. Настоящий герой не боится взглядов и перешептывания за спиной. Он выше этого. Я, видимо, не дорос.

Либан молча хлопнул его по плечу. Что-то он для себя решил, понял Макс. Хотелось бы верить, что в глазах было уважение. Уж убивать дядьку учить не требуется. У него палец на курке не дрогнет, вся деревня знает. Единственno неизвестно где стражника зарыли семнадцать лет назад. А кто сделал и за что не секрет даже для Бодрова. Насильничать чужих баб в горах? Лучше б сразу повесился. Думал близкой родни нет, так можно над женщиной изглагляться. На то и Клан, чтобы помогать одиноким и сиротам. А мать ведь никогда не попрекал, понял вдруг Макс. И к нему замечательно относился. Не каждому так везет в жизни, иметь родного человека.

Интерлюдия

Нет ничего удивительно в огромной привлекательности Национальной Лиги у молодежи. Именно ветеранская организация, а среди них пожилых найти было крайне сложно, сумела возглавить борьбу патранов за свои права и громко заявить о себе. Ничего удивительного, что мы и в дальнейшем встречаем знакомые фамилии и имена на серьезных государственных должностях.

Поколение 18–30 летних патранцев получило возможность заявить о своих ожиданиях и надеждах. Их честолюбие и жажда деятельности не могли реализоваться в условиях протектората и молодежь, как собственно везде и всегда, представляла из себя огромный и достаточно агрессивный ресурс для партии. Молодые люди презирали не способные ни на что старые авторитеты и требовали радикальных изменений.

Свыше двух третей членов Национальной Лиги в 2697 г были моложе 30 лет. Если среди депутатов прогрессистов на земских выборах людей младше 45 было около одного процента, то в списке избранных от Лиги в первый парламент мы отмечаем только троих старше.

Лекция по новейшей истории королевства Шиол в университете города Баллин.

Глава 6. Уна Клейменова. Педагог. 2696 г

Уна медленно диктовала под слаженный скрип перьев учеников.

– Кончается лето. Спешит вступить в свои права золотая осень. Холодный дождь...

Говорила она, совершенно не задумываясь о тексте. Слова выскакивали давно заученные, без малейшего участия головы.

Сейчас она мысленно была крайне далеко от школы и своих обычных проблем. Ее не волновали тридцать два разновозрастных ребенка от семи до четырнадцати лет, находящиеся в одном помещении. Не было смысла устраивать разные классы. Большинство не смотря на разницу в возрасте умело писать и читать практически на одном уровне. По складам.

Если бы ее усилия половина бы сейчас трудилась на огороде или в поле. Приятного мало, регулярно доказывать взрослым людям необходимость учения и его пользу. У них свои ничуть не менее существенные и важные резоны. Польза от школы, может быть, случится, но потом. А вкалывать требуется прямо сейчас.

Лишних рук в деревне не бывает. Их поселок и есть самая натуральная деревня. Хуже всего во время уборки урожая. От нее просто отмахиваются, подозревая в личной заинтересованности. Якобы чем больше учеников, тем выше жалованье. Как же! Жди! Требовать начальство гораздо, а помочи никакой. И всякий мелкий чиновник всенепременно заявится, побывав проездом, поучать.

Мрачное строение школы находилось прямо у дороги. Маленькие окна, чтобы уменьшить уход тепла и расход дров и угля для обогрева помещений. Летом ученики и редкие посетители постоянно заносили пыль, осенью грязь. Зато почта и две лавочки по соседству. Их наличие нешуточный признак наступления цивилизации. Как и проходящая в двух лигах отсюда железная дорога. Почему не провели ближе можно лишь догадываться. Скорее всего затраты на данное мизерное расстояние не оправдывали ожидаемых доходов. На продажу отсюда мало что идет. Самим не хватает.

В доме две комнаты с неокрашенными стенами, грубо сколоченные столы и лавки для учеников в одной. Во второй уже третий год она проживала со всем своим огромным имуществом: столом, полочкой с книгами, умывальником и зеркалом на стене. Был еще комод, оставшийся не то от предыдущей учительницы, не то подаренный в незапамятные времена обществу от расщедрившегося, уехавшего в город. А может просто никто не захотел приобрести это огромное, занимающее пол комнаты сооружение. Ничего другого на ее жалованье «народной учительницы» все одно не приобретешь.

Содержание школ, больниц, театров и всех остальных культурно-просветительских учреждений королевство великодушно свалило на местные власти. Где-то в городе вполне вероятно находилось с налогов на имущество достаточно средств для содержания, но здесь был Камарен. Прекрасный вид: горы, озеро, маленькие квадратики полей и жуткая нищета. Слишком много людей, слишком мало земли.

Продавщица в магазине готового платья получала 1800 «корон» в год. Она – 1350. Правда, справедливости ради, 1800 платили в Синенде, а не деревне и многие могли бы ей здесь позавидовать, но Уна сама себе не слишком радовалась. Прожить на эти деньги без наличия собственного огорода было сложно.

Устроиться на должность учительницы было совсем не просто, разве в таких дальних краях готовы были принять кого угодно. В городах попечительский совет, имея выбор, брал обязательно на должность мужчину. Даром, что им больше изначально платили. А уж замужним женщинам место в принципе не светило. Это всерьез бесило, как и нередко завышенные требования при поступлении в училище для женского пола. Высших учебных заведений на весь остров имелось ровно одно и профессиональных училищ не так уж много. Если уж

девушка поступила и при этом богатых родителей не имела – определенно любого мужика за пояс заткнет.

Натренированный слух поймал перешептывание за спиной. Уна автоматически произнесла следующие две фразы. Ученики принялись трудиться дальше. Заставить посыпать детей в школу она естественно никого не могла. Уговаривала в силу собственного красноречия и терпения. На кое-кого пришлось махнуть рукой. Часть детишек ходят – уже прекрасно. Минимум, необходимый для нормальной жизни, она им обязательно даст.

Чтение, письмо, основные действия математики (не только четыре), дроби, умение высчитать площадь участка – это даже дети хорошо улавливали для чего. По линеечке оно лишь на карте рисуется. География, история: всемирная, королевская и местная с упором, что не одна деревня на свете, но и там живут не чужаки. Основы физики, химии. Основные молитвы и катехизис. Иногда, под настроение она просто начинала рассказывать о другой жизни. Городах и жизни в них, морях и водящихся там видах рыб, звездах и науке астрономии. Даже о системе власти, пытаясь разъяснить почему закон требует то или иное и кому выгодно.

Уж во всяком случае, говорить они стали много правильнее. Без использования чудо-вищного жаргона. Это был не нормальный крэльский и не шиольский из городских трущоб, доводилось неоднократно слышать, а какая-то ужасная смесь. На правильном древнем языке говорили разве старики и Уна повадилась ходить в гости и записывать песни, древние саги, рассказы. Было несколько человек способных вспомнить огромное количество текста почти без запинок. Как ни странно, безграмотность здесь была не помеха. Скорее наоборот. Замечательно развила память.

При сверке одного повествования в разные дни (повторно просила рассказать, якобы не успела все записать) или даже с разными людьми, практически всегда расхождения отсутствовали. А нередко в тексте новой саги обнаруживались мотивы и прямые заимствования другой. Подобные совпадения ясно доказывали, что совершенно незнакомые люди из разных Кланов не сговаривались дурить ей голову.

Хронология рассказов четко выдерживалась и сказочные мотивы если и присутствовали, то где-то на заднем плане. Очень реалистично все это передавалось, подробно сообщая, кто кого и за что зарезал от двухсот до тысячи с лишним лет назад. Кроме всего прочего выучила кучу новых слов на крэльском. Старики-горцы шиольского не знали, а иногда и знать не желали.

Частенько приходилось отправляться довольно далеко, но скоро про ее походы признала вся округа и люди с готовностью подсказывали к кому обратиться, а на месте выкладывали очередную древнюю историю по первой просьбе. Таких саг, иногда по строению фраз или употреблению терминов явно написанных сотни лет назад у нее уже собралось больше четырехсот. Про древних королей, племенные сражения, появления кланов и даже про шиольские завоевания. За последние ей точно могли обеспечить если не тюремный срок, так неприятную беседу в жандармерии с лишением работы по воспитанию детей навсегда.

Она честолюбиво надеялась когда-нибудь опубликовать свои записи и стать если не знаменитой, то во всяком случае достаточно известной. И не в окрестных деревнях, а в научных кругах. Надо только разобрать их по периодам и темам. Да и переводом снабдить не помешает. Та еще работа, как задумаешься – страшно становиться. С другой стороны позволить кому захапать приоритет?

Женщина ничуть не хуже тупоголовых мужиков. Мельникова первая установила специфичность возбудителя бешенства. Впервые в истории сделала прививку покусанного взбесившейся собакой и спасла ему жизнь, Цахур из Империи додумалась до потолочного электровентилятора. Ветрова выиграла гонки и установила несколько рекордов скорости, оставив мужиков позади. Картины Божковой бьют рекорды по покупаемости. И это не вспоминая

известных писательниц или Шмакову, создавшую комитет борющейся за равноправие. Ничем она не хуже! Вот.

По самым приблизительным оценкам в королевской библиотеке содержатся тысячи работ по истории Шиола, сотни исследований отдельных ее областей, а также поистине бесчисленное количество произведений, посвященных пейзажам, фольклору, обычаям и тому подобному. Но напрасно будете вы перерывать пыльные тома в поисках живых и заинтересованных заметок путешественника по патранским горам.

Если о равнинах еще можно кое-что обнаружить, хотя и с очень определенной точки захватчика-шиольца, то о внутренних областях острова вплоть до недавних времен в принципе ничего не существовало. А уж про фольклор или местные предания и говорить нечего. Априори считалось не вызывающим интереса и вторично-подражательным. Ах нет! И она это обязательно докажет! Дикие неисследованные земли и отсутствие культуры у патранов отвратительный штамп, не соответствующий правде жизни.

Она снова посмотрела в окно с неприятным чувством. Сегодня все было не так.

Базарный день обычно означает появление сотен чужаков. Прямо посреди улицы они гонят коров, овец или осликов – три важнейших составляющих деревенской жизни. Лошади редки и дороги. Есть еще и свиньи, а также куры, но это естественно самостоятельно не существует. Либо в клетках, либо на повозках. Тут же присутствуют и хозяева, иногда прошедшие пятнадцать лиг с целью продать поросят или сено. Они настолько нищие, что частенько ходят в лохмотьях.

Тем не менее, вид не имеет отношения к развитию. Речи ведут обстоятельные, вежливые и соблюдая давние традиции. Никогда не начнут прямо со своего дела и уж продать привезенную животину за сумму меньшую, чем рассчитывал изначально, ни один не согласится. Проще отогнать назад еще пятнадцать лиг. И никто не вмешается в степенную беседу продавца и покупателя даже с предложением лучшей цены. Репутация гордецов заслужена горцами не даром. Любому лезущему не в свое дело обеспечена разбитая физиономия.

Женщины обычно на подобных мероприятиях не присутствуют. После сделки ведь обязательно положено посетить близлежащий кабак и неплохо отметить там заработок темным пивом. Вино и прочие напитки горцы презирают. Не то чтобы они относились с презрением к крепкому алкоголю или даже самогону из картофеля, просто напиваться не принято.

Само собой употребляли спиртные напитки, но никогда не пригубляли в одиночку или в посевной, сенокосный, уборочный периоды, а также на охоте. Перепивший человек теряет лицо в глазах окружающих. Вот свадьбы, похороны и праздники без этого дела не обходятся. Говорят, все это идет с древних времен, когда отмечали тризну. Точно уже никто не скажет. Не принято в обычные дни напиваться. А дошедшему до свинского состояния долго поминать будут.

Ах, да. Выпив две-три кружки пива после окончания торговли мужчине непременно требуется зайти в лавку и приобрести подарок жене и детям. Хоть по конфете, но забота обязательно должна быть проявлена. Это тоже из разряда «так принято». Не поймут нарушившего обычай ни родственники, ни соседи. Не скроешь. Всем же хочется узнать, за сколько продал скотину и что привез.

Продают не только скот, хотя овощи и фрукты издалека везти редко кто станет. Продукты привозят в основном к станции из ближайших мест. Зато очень тщательно готовятся продавцы. Крестьянин, принесший в двух корзинах зелень со своего огорода, раскладывает ее на лотке в отдельные пучки и кучки. Рядом стоит ведерко с водой, и он маленьким веником все время опрыскивает зелень, чтобы она выглядела свежей и привлекательной для покупателя. Грязной картошки или другого овоща никогда на виду не окажется. Все вымыто, разложено и привлекательно смотрится. А стоит сущую мелочь.

Некоторые станции даже специализируются на отдельных видах продукции. Где выгоднее набрать свежих овощей, где замечательные куры или к разъезду приносят домашние пирожки. Говорят дальше на север хорошо идут арбузы, дыни и мясо дешево. Там скотоводческих ферм много.

В последнее время еще возле почты люди собираются. В поселке образовалось отделение Лиги ветеранов. Приезжавшие из города агитаторы вместе с местными членами Лиги решали, кого надо подвергнуть бойкоту, кому понадобится финансовая помощь. После каждого митинга на дверях почты, лавок и даже Храма появлялись списки торговцев, ремесленников, владельцев средств транспорта, гостиниц, постоянных дворов, то есть всех тех, кто продолжал обслуживать бойкотируемого лендлорда, с предупреждением, что если они не поддержат решения Лиги, то будут сами подвергнуты бойкоту.

Угрозы были совсем не зряшными. Уже двое или трое поселковых явственно горели ясным пламенем. Не прямо – фигулярно, однако от этого им было ничуть не прохладнее. Люди перестали ходить в кабак Бурносова, лавку Прилепова и тщательно сторонились одного из фермеров. При здешних мизерных заработках подобный ход был страшно действенен и будоражил всю округу. Глядя на очень наглядные примеры никто не хотел попасть в категорию презираемых. Даже не слишком довольные происходящим старательно держали язык за зубами.

Сейчас на улице болтались сотни людей и никакой торговли. Зато многие из молодых парней демонстративно явились с СКВ. Карабин в последнее время стал четкой приметой члена Лиги. Производство Патры, цена низкая и многим доступная. Охотничье оружие, которым он считался, продавалось в магазинах свободно и не требовало регистрации с заполнением бумаг. Закон в отношении ружей в Шиоле был достаточно либеральным.

Сомнений в его замечательных технических качествах никто в районе не испытывал. Лига специально устраивала демонстрацию со стрельбами. Если и был в округе хоть один человек мужского пола не сравнивавший разные виды винтовок и не говоривший об этом многоократно, такого Уна не знала. Как эпидемия всех охватила. Подавай им скорострельный автоматический!

Еще год не прошел, а в Южной части острова образовалось не меньше 200 отделений Лиги. Они возникали при больших поместьях, в которых было много арендаторов, в поселках и городах. Региональные отделения координировали совместные действия и получали инструкции от центра, находящегося в Натмуке.

Вряд ли все члены общества явились сюда, но несколько тысяч решительно настроенных человек уже прибыли, а появлялись все новые. Приезжали на поездах и телегах. Приходили пешком и следовали на лошадях. Группами и по одиночке. Клич с призывом прозвучал далеко.

Уже в Камарене прибывшие получали указания и проводников из местных, занимая определенные места в ожидании. Все очень по-деловому и вызывало страх. Слишком много оружия и решительных парней. Слишком много готовности ударить. Барабаны били сбор и все это могло кончиться очень неприятно.

Достаточно маленького точка и начнется кровавый ужас. Хорошо еще из поместья всех женщин отправили. Хозяйка с детьми (они в здешнюю школу не ходили, получая образование дома от гувернанток и специально приглашенных преподавателей) отбыла в Синенд, а прислуга сидела по домам и помалкивала. Выступать в защиту помещика боялись, а против опасно. Неизвестно как все обернется.

Отделения Лиги регулярно созывали митинги, на которых доводили до сведения присутствующих намерения того или иного лендлорда повысить плату или выселить арендаторов. Иногда благодаря бойкоту не дающему найти других арендаторов или как тихо говорили не вполне законным методам, вроде поджогов амбаров, удавалось не допустить изгнание несо-

стоятельных арендаторов. Сейчас нашла коса на камень. Здешний помешник Берк сообщил о серьезном повышении арендной платы и пообещал любыми путями добиться своего.

Лига приняла вызов всерьез. Такого многолюдного сбираща до сих пор еще не случилось. Первый акт противостояния закончился три дня назад в ее пользу. Попытка выставить одного из крестьян из дома закончилась плачевно. Обошлось даже без увечий. Разоружили «псов» хозяйствских и пинками, под издевательский свист погнали прочь. Слишком многое произошло вооруженных людей. Наемные охранники откровенно испугались. Сейчас ожидалось вмешательство губернатора, но Лига отступать не собиралась.

Толпа неожиданно задвигалась, издалека не рассмотреть, но кто-то встал на крыльце почты и принял отдавать команды. Прямо на глазах в абсолютной стихии стал возникать порядок. Члены Лиги строились подчеркнуто по военному и одна группа за другой тронулись колонной в сторону вокзала.

Шли в ногу и барабаны отчетливо ударили походный марш. Хорошо еще не атаку. И так зрелище было впечатляющее. Почти как на параде, не хватает знамен. Умеет Шаманов действовать на народ. Проходя во главе колоны Лайс помахал рукой. Она невольно улыбнулась. Парень Уне нравился и его настойчивое, без проявления излишнего нахальства, подбивание клиньев слегка лъстило.

— Через пятнадцать минут поезд подходит, — сказал белобрысый мальчишка, выглядывая у нее из-под руки. — Встречать пошли.

Он все всегда знал, будучи сыном одного из членов Лиги и внимательно слушая разговоры взрослых.

Уна обернулась и без особого удивления обнаружила, что все ее ученички толпятся тут же, жадно посматривая на улицу. Сидеть в такое замечательное, наполненное событиями время в классе и вырисовывать буковки никому не хотелось. Конечно, правильно и очень педагогично было бы загнать их снова за столы и продолжать диктант, в котором они насажают кучу ошибок, думая совершенно о другом. Однако она и сама не прочь была оказаться поближе к творящимся событиям. Ну правда, когда еще увидишь в Камарене столь любопытные явления?

— Вы пообещаете, — грозно произнесла она, — не лезь в первые ряды.

— Да! — радостно ответил хор детских голосов.

— Я говорю серьезно! Еще не хватает отвечать перед вашими родителями, если помнут в давке. Обещаете?

— А что мы увидим?

— На деревья, — твердо приказал Уна. — Оттуда ничего не пропустите. Договорились?

— Да!

— Старшие смотрят за младшими. Мне называть фамилии?

— Нет, — уже более грустным тоном ответили. Не в первый раз она приставляла одних к другим. Обычно это касалось помощи в уборке помещения или учебы, но все прекрасно знали, кто и за кого отвечает. Далеко не всегда это приятно. Следить за детьми достаточно сложно, зато некогда самому лишней дурью маяться — это Уна знала твердо.

— Тогда пошли!

Полустанок был грязен и пуст. Обычное захолустье. Здесь останавливались пассажирский поезд раз в сутки, и не имелось даже вокзала. Вполне хватало будки для продавца билетов и одновременно начальника станции. Держать лишних людей для железнодорожной компании слишком накладно.

Уна начисто забыв свои же благие указания детям о возможной опасности, пролезла в первые ряды собравшихся. Местные дружески здоровались, пропуская, приезжие косились, но молчали. Женщины у горцев ведут себя достаточно свободно и кроме мужа никто им не указ. А вот трогать чужую бабу наверняка плохо кончится. В подобных захолустьях еще про кровную месть не забыли.

У намертво закрытой пресловутой будки, железнодорожник предусмотрительно смылся и, скорее всего, наблюдал за происходящим с почтительного расстояния, стояла небольшая кучка одетых по-городскому людей. Преобладали женщины всех возрастов, но попадались и мужчины. Тоже на неординарное зрелище приехали полюбоваться. Газеты по всему острову гремели уже неделю. Кто-то возмущался, кто-то восхищался, а большинство откровенно злорадствовали.

Лендлордов на Патре всерьез недолюбливали. И за прошлое, когда они получали конфискованные у местной аристократии земли, патраны считали объявление земель вождей собственностью короля и передачу во владения шиольским дворянам грубой несправедливостью. Земля принадлежит Клану и не может быть конфискована!

Не важно, что этому предшествовала почти десятилетняя партизанская война. Королевское правительство в тот момент считало данное решение великолепным способом держать в узде вечно недовольное население. Они и сейчас через двести с лишним лет прекрасно помнят, кто возделывал землю до ее конфискации. Это земля Кланов! Что непонятного? Общая собственность. Долгое время здесь не существовало понятия земли в качестве подлежащей свободной купле-продаже собственности.

Земли составляли ядро общественной жизни Клана, служили свидетельством высокого статуса и авторитетности их владельцев. На основе размера возделываемого семьей поля и принадлежащих ей лесов нередко принимались военные, юридические и административные решения.

Территории некогда вошедшие в общественное сознание как свои в принципе не могли уйти из Клана. Участки не подлежали купле или продаже даже в том случае, если возникали самые выгодные расклады. Хотя при определенных – и очень жестких – условиях земля могла быть продана, в общем и целом она не была товаром на продажу. У многих это и сейчас плохо в голове укладывается.

Не любили повсеместно земельную аристократию и за настоящее, когда хозяева практически не появлялись в своих поместьях, предпочитая проживать в метрополии и передоверив все дела управляющим. Те, естественно, редко себя обижали и норовили выжать из арендаторов лишнее, лично себе в карман. А лорды появлялись настолько редко, что жаловаться им возможности не имелось. И то сказать, никакой радости находится в имении. Вместо идиллической картины с возделанными полями и низко кланяющимися крестьянами реальная возможность нарваться на грубость, а то и камень в спину.

– Простите, вы местная жительница? – поинтересовался со странным акцентом подошедший элегантно одетый мужчина. Все на нем было высшего качества даже по меркам города и единственным несоответствием в облике являлись забавно оттопыренные уши.

– Я учительница в поселке, – сказала Уна и, поймав пренебрежительный взгляд одной из дамочек, невольно поежилась.

Как она смотрится не сложно догадаться. Грубый свитер домашней вязки, юбка из простой материи не первой свежести, здесь за модой наблюдают не слишком пристально. Случается и бабушкины одежки перешивают. Еще тяжелые грубые башмаки. Очень функциональные для прогулок по грязи, однако далеко не туфельки на высоком каблуке. Тут она невольно разозлилась за проявленную слабость и, уставившись мужчине в переносицу неприятным тоном, спросила:

– Желаете полные данные? Полиция собирает сведения?

– Что вы, – неподдельно удивленно воскликнул подозрительный тип.

– Я к вашим органам правопорядка не имею ни малейшего отношения. Разрешите представиться, – поднимая шляпу и расшаркиваясь в лучших светских традициях, заявил, – Хабре Саис, корреспондент газеты «Новости Карунаса». Мы сообщаем читателям подробности прошедшего в мире уже более ста лет.

Последнее прозвучало как лозунг, зато объясняло странное звучание речи.

– Прямо из вечного города не менее вечной Империи, да к нам в горы, – подчеркнуто уважительно удивилась Уна. В словах был всем понятный сарказм. Еще в прошлом столетии в результате внутренних проблем государство раскололось на несколько стран, лишь номинально признающих верховную власть Императора. – Да еще и большой аристократ. Хабре ведь императорский род.

– О! – вы издеваетесь, притом достаточно умело, – неожиданно обрадовался корреспондент из далекой северной Империи. – Наверняка ведь знаете, уже давненько династия сменилась. И все у нас, в смысле рода, отобрали в казну. У меня, – не понижая голос, сообщил, – в детстве кроме вши на аркане ничего в кармане не имелось. Простите, если неточно перевел нашу пословицу.

– Да нет, все понятно.

– А мне вот не всегда, – грустно сознался журналист. – Это ваша дикая способность в одном предложении совмещать противоположности. Да и нет. Никакому переводу не поддаются и догадаться о смысле можно исключительно интуитивно.

Уна невольно улыбнулась.

– Да и место аккредитации далеко не лучшее. Баллин звучит гораздо приятнее для слуха. Да и жалование выше. Я только выгляжу так, потому что в импортном, – он смущенно поклонился.

Да он меня обхаживает и неприкрыто угодничает, поняла Уна. Не из горячей же, внезапно поразившей в самое сердце любви. Почти наверняка ему нужен источник знающий всех и вся. А почему нет? Если даже Карунасе прочитают о наших делах появиться хороший шанс на серьезный шум и непредвзятое рассмотрение дела.

– И что желательно знать?

– Подробности, – обаятельно улыбаясь, сказал Саис. – Перекладывать чужие сообщения из иностранных газет на родной язык не мой стиль. Хотелось бы оригинальных известий.

– Неплохо бы и с Шамановым интервью, – посетовала она с иронией.

– А вы можете? – моментально сделал стойку журналист. – Не идет лидер Лиги на прямой разговор. Отделяется лозунгами и декларациями.

– Вы ж все обязательно переврете, – прислушиваясь к дрожанию деревянного настила, объяснила Уна. Поезд идет. – Работа у пишущих в газеты такая. Врать без зазрения совести.

– Я обязуюсь показать предварительно текст, а?

– Напрямую я не уверена, а вот поговорить с Лайсом или Дуганом могу.

– Дуган – это Зудов? – поморщившись, уточнил журналист. – Спасибо не стоит. Он в Лиге явно занимает пост начальника пропаганды и сам не прочь писать статьи. Конкурентов крупно недолюбливает.

– Он хотя бы у нас известен своими статьями о войне, – слова: а вот ты что за пень ходячий, с манией величия, остались непроизнесенными.

– А вот с Лайсом Рудовым я не прочь пересечься, – тон иностранца был страшно умильный. – Ага!

Это замечание касалось подъезжающего эшелона и было излишне радостно. Журналист, ничего не поделаешь – ему бы чего захватывающего и желательно с серьезными последствиями. Чем значительнее количество трупов и больше крови, – тем больше слов и выше гонорары. Чего писать, если все тихо и благостно. Кто такую газету купит.

Поезд лязгнул колесами, звякнул буферами и прочими железками и остановился, выпустив струю пара. На перрон спрыгнул офицер и, поправив фуражку, уставился на непредусмотренную встречу.

Толпа стояла тихо и хмуро. Плечом к плечу, перегораживая дорогу.

– Смир-рна! На кра-ул! – взревел бас. В передних рядах взметнулись десятки карабинов. – Отставить! Какие вы ветераны, если не способны выполнять простейшие команды! Живот ладно, нажрали на домашних харчах, с оружием нельзя обращаться небрежно! Р-прав-няйся! С-смирана!

Офицер хмуро смотрел на представление. Трехтысячная толпа крестьян и Лиги ветеранов уже в течение нескольких дней преграждала доступ к хижинам подлежащих выселению арендаторов. Попутно перекрыли все дороги в округе и, хотя насилие пока открыто в ход не шло, полсотни вооруженных людей нанятых лордом Берком поспешно убрались назад в усадьбу при виде злой и вооруженной орды.

Уна своими глазами видела два пулемета и коробки с патронами. Уж это не охотничьи карабины. Свободно в магазинах не продаются. Впрочем не ее дело. Наверняка торговцы, имевшие доступ к «излишкам» вооружений, оставшимся от войны, неприлично разбогатели, продавая их по принципу «плати наличными и уноси». Еще и скидку давали, ведь любителей приобретать пулеметы обычно найти сложно. Делиться с чужаками она такими занимательными вещами не собиралась.

Третий день перед домом помещика шли митинги и лозунги становились все радикальнее. Уже в открытую предлагали не платить сквалыге вообще. Ему лично пустить в имение «красного петуха». Терпение у населения явно подходило к концу.

– Уже лучше! – сообщил бас.

Шаманов повернулся к строю спиной и строевым шагом направился к поезду под ударившую дробь. Барабанщик умудрился в обычный «Походный марш» очень естественно вставить «Готовность». Как только Стен подошел вплотную, барабан смолк. В полной тишине Шаманов отдал честь офицеру и представился.

– Первый лейтенант Сенгелей, – отрапортовал офицер. – Направлен с ротой для поддержания порядка.

– Поддержания? – нажал голосом Стен.

– Вот именно, – подтвердил лейтенант. – Прямого приказа о разгоне вашего сбираща не имею, а уподобляться капитану Линчу не желаю. Исключительно порядок. Никакого нарушения закона. Постарайтесь не портить о себе первое впечатление. Я надеюсь, честь горца на Патре еще существует.

Он повернулся и заорал команды. Из вагонов посыпались солдаты. Многие крутили головами и лица встревоженные. Они тоже прекрасно видели спектакль.

Шаманов не стал говорить спасибо и направился к своим. Сказано было достаточно ясно. Ответственность за применение оружия и губернатор, и военное начальство на себя брать категорически отказывалось. Все происходящее пока шло в определенных рамках. Лига ветеранов официально зарегистрированная организация, не требующая свергать короля. Упаси Бог!

Стачки с требованиями повысить зарплату катались по всем городам королевства не первый месяц в связи с удорожанием жизни и падением спроса на продукцию. Тоже нормально. Где добываются своего рабочие, где хозяева. Государство вмешиваться категорически не желало. На этом фоне крайне невыгодно отдавать приказы, ведущие к гибели людей. Чем бы не закончилось, есть высокие шансы оказаться крайним и вылететь с должности с громким позорным скандалом и лишением мундира.

Ко всему еще, то ли специально, расстарался вышестоящий командир, то ли случайно совпало – командир роты происходил из тельянов. Очень специфическая народность, имеющая немало общего в истории с Патраном. Горы на севере Шиола по площади достигали четверти материка, обладали огромными богатствами природных ископаемых и долгое время успешно сопротивлялись аннексии. Пока их собственная династия не умудрилась сесть на королевский трон, заключив крайне удачный брак.

Каждый второй тельян числился дворянином (неважно, что всего имущества одна коза и покосившаяся хибара) и имел очень специфические понятия о чести. Мужество, храбрость и готовность к самопожертвованию они ставили превыше всего, а убийство безоружных считали худшим из грехов. При этом не возбранялось сунуть в руки крестьянину меч, с которым он и обращаться-то не умел и зарубить с чистой совестью. Приличия соблюdenы. И эта их вечная вежливость. Реально ничего не значит. У них там, в горах Тельяна, за ругань на месте убивают.

А вот намек про капитана Линча всерьез позабавил. Первый лейтенант Сенгелей хорошо умел просчитывать последствия. Может в другой ситуации он бы и отдал соответствующий приказ, сейчас шансов у его роты не имелось. Времена другие, результат получится ничуть не лучше. Задавят массой даже без карабинов. Тем паче в них и патронов нет. Специально приказал командирам отобрать перед походом на станцию. Излишне горячие выступления на данном этапе не требовались. Попугать – нормально. Убивать – рано и опасно.

Восемьдесят два года назад вошедший в пословицы капитан Линч отдал приказ стрелять по толпе крестьян пришедших к лорду с петицией и просьбой не распахивать пастбища общинны. Что там ему показалось, за давностью лет и отсутствием возможности узнать мнение, осталось навеки неизвестно. С первого залпа было убито пять человек и почти два десятка ранено. После чего крестьяне, вместо того чтобы разбежаться в панике, воспользовались сельскохозяйственным подручным инструментом в несвойственных для их использования целях.

Взвод перебили, а попутно сожгли и поместье лорда вместе с его семьей. Пробитые головы – это, в общем, нормально, но на теле Линча обнаружили впоследствии 37 разнообразных ран, выколотые глаза, а кое-какие подробности состояния трупа в книжках для детей печатать категорически не рекомендуется.

Деревню для остротки сожгли каратели, но крестьяне не дожидались реакции властей, успели разбежаться по родственникам и в горы, разнося весть о случившемся. Многие лорды всерьез потом опасались слишком вольно вести себя с общинами на их землях.

Журналист прислушался и беспомощно пожав плечами, спросил Уну:

– Что он говорит? Я не понимаю здешний диалект.

– Вояк пропустят в усадьбу, – перевела она, пропуская особо красочные выражения, Шаманов совершенно не стеснялся публики. И то, до городских не дойдет, а если кто поймет, так замечания делать не посмеет. – Солдаты будут сидеть там и сторожить Берка не вмешиваясь, пока мы, – слова «ему кол в задницу не засунем», поддержаные довольным ревом, она дипломатично заменила, – не допускаем нарушения закона. Ничего им не продавать, ничего не давать добровольно, вплоть до воды из колодцев. Пусть объедают и пакостят в усадьбе. Будем митинговать прямо под окнами, всеми семью тысячами...

– Ого, – не удержался Саис, – ...собравшихся.

– Я не обещаю, – сделав паузу, продолжил Шаманов своим гулким басом, далеко разносящимся по перрону, – подобно другим, счастья и процветания. Я могу сказать лишь одно: мы не имеем права ощущать свою принадлежность к патранам и рассуждать о прошлом или будущем величии страны, если сотни тысяч из нас вынуждены голодать и совсем обносились. Мы обязательно продолжим нашу борьбу. Если вы понимаете, о чём идёт речь, – вместе с вами! Если вы не хотите – без вас! Земля Патры – народу Патры!

Толпа взревела совсем уж жутко.

– Здраво Шаман!

– Слава Шаманову, – перевела Уна.

Общее настроение захватило и ее и тянуло тоже проорать нечто громкое, не сдерживаясь. Самый опасный момент миновал. Она не знала, как Стену удалось договориться с лейтенантом, но теперь лорду деваться некуда. Возможность заставить у него отсутствует. Придется или смириться с отказом платить повышенную аренду, либо не получать вовсе.

Интерлюдия

Парламент после длительного и бурного обсуждения (я подозреваю многие устали дожидаться решения) принял подавляющим числом голосов новый аграрный закон. Без нашего давления и постоянных действий Национальной Лиги вряд ли бы и наши внуки его смогли увидеть!

По нему устанавливался десятилетний срок аренды, во время которого запрещается поднимать цены. Буде хозяин не считает возможным в дальнейшем нести убытки, он получает компенсацию в размере суммарной стоимости участка исходя из налоговых поступлений, уплаченных поместьем.

С откровенным злорадством, я сообщаю, что лендлорды много лет да что, там практически столетий платили 2–3 % от добавленной стоимости. У любого крестьянина Патры налоговики из кармана вынимали до 17 %, не считая косвенных налогов. Сейчас столь одиозная практика аукнется богатым помещикам. Стоимость земли будет оценена достаточно низко земскими обществами на основании полной справедливости.

Да, да! Именно земскими организациями на месте, но к сожалению не как нам хочется, а на основании фискальных документов. В зчет пойдут те суммы, которые указывали ее владельцы для уплаты государственных налогов на недвижимость. Требование оценивать землю по ее рыночной стоимости было равносильно признанию, что они в течение многих лет обманывали государство, не уплачивая причитавшиеся налоги. Теперь наиболее жадные и наглые лендлорды получат заслуженное наказание.

Земства обеспечивают сохранность и передают в дальнейшем участки крестьянам за установленную арендную плату. Контракт сохраняет силу и в случае продажи земли другому собственнику. Избежать конфискации им не удастся! Хорошо обдумайте дорогие мои читатели свою ситуацию. Именно сейчас появилась возможность получить в собственность участок на котором вы работаете не первый год. Конечно, гораздо лучше получить его бесплатно, однако что есть – то есть. Лучше в течение нескольких лет выплатить долг, чем бесконечно трудиться на арендованном, куске земли, отдавая помещику практически более крупную сумму!

И читайте внимательно закон, в случае сложностей обращайтесь за консультацией в отделения Национальной Лиги. Есть масса пунктов, специально не впячиваемых, тем не менее, очень существенных. К примеру, для ветеранов земля существенно дешевле. Лига свое дело сделала! Запомните – вместе мы сила!!!

Листовка Лиги Ветеранов.

Глава 7. Искусство делать деньги. 2696 г

– Ну, – сказал Стен, ощущая себя окончательно заезженным опостылевшим обсуждением, любой вариант по три раза прошли, на фронте так подробно задачи не ставились, – на этом все. Если никто ничего страшно умного добавить не желает – расходимся. Завтра в 6.30 поезд отходит. На месте выясним, не зря ли все это затеяли. Мы получили предлог для действий. Не надуманный, – Лайс без особого смущения хмыкнул, – настоящий. И чтобы я не слышал без команды «Земля – крестьянам!». Вот «Долой лендлордов!» – разрешается орать погромче. Все.

Парни начали подниматься, прощаться и двигаться к выходу. Шаманову очень хотелось всерьез напиться, благо и сидели-то в зале кабака. Нельзя. И для дисциплины плохо – все обязаны видеть его в приличном виде, уверенным в себе, не испытывающим колебаний и решительным. Он якобы всегда точно знает что делает. На самом деле знает. Если не выйдет сейчас, можно плонуть на Лигу и растереть. Удача дама изменчивая и хорошее начало не гарантирует приятного окончания. Интересно, другие политики способны испытывать такой мандраж или это лично его заморочки? Рано ему в государственные деятели лезть.

– Что Макс? – спросил явно не собирающегося уходить Геллера. Последний удаляться не торопился, кидая на него красноречивые взоры.

Стен в очередной раз поблагодарил хозяина на прощанье. Вежливость вещь хорошая. Кабатчик не только давал им возможность собираться у себя, но и предоставил в его распоряжение комнатку на втором этаже. Если бы не такие доброхоты, неизвестно протянули ли они так долго. Членские взносы погоды не делали, а собрания, митинги, поездки, помочь нуждающимся – все это стоило денег. Вон Макс притащил с гор полтора десятка своих родственников-гурхов в качестве добровольных помощников. Эти вопросов не задают, сомнений не испытывают. Мигни – любому голову оторвут. Удобно. Да вот беда, их положено неплохо кормить и желательно не позволять ходить в обносках.

– У нас денег вообще нет? – очень тихо осведомился Макс.

– Казначей нам пока не требуется, – сухо отрезал Шаманов. – Все огромные капиталы Лиги легко умещаются у меня в кармане.

– Я вчера встречался с Тараном. Он неплохо устроился.

– Я тоже слышал. Костюм, сигара и репутация зверя. Собирает дань с проституток. И что?

– У него проблема.

Стен удивленно поднял бровь и не стал сообщать, что ему до одного места чужие неприятности. Макс разговор затянул не зря. И что он при всех не стал высказываться – неспроста.

– Морио заподозрил нашего Пастуха в желании перетянуть на себя одеяло. Практически открыто угрожал. А он обычно слов на ветер не бросает. Нож под ребро в скром временем вероятен.

– Ну, я бы не удивился, если это правда. Пастухов всегда был излишне наглый. Это не друзья-приятели, способные простить глупость. Максимум морду начистят на будущую память. Ты или бык и кончаешь плохо, или рубщик и кончаешь очень плохо. Не прошло и года, как Таран нарвался. Что он хочет? Явно не тихо уехать, тут мы ему без надобности.

– Мы ему помогаем с Морио и его людьми, – после паузы сказал Макс, – а он берет все дело на себя и отстегивает нам хорошую сумму.

– Сержант Геллер, – покачав головой, душевно произнес Стен, – ты уверен, что все не обстоит наоборот? Просто наглость Тарана на этот раз зашквалила за всякую границу. Никаких трений не произошло, захотелось ему на чужом горбу на пару ступенек вверх подняться. Сам не способен из пистолета выстрелить?

– В таких делах в первую очередь ищут кому выгодно. Если он сидит в тот момент на людях – алиби железное.

– Ага и отмусолит нам сотенку на бедность за дело с кровью. Или две. Он чистый со всех сторон и имеет на меня крючок. Спасибо тебе великодушно. Вот вlipнет он по другому делу и в момент нами расплатится с полицией. Не смотри на меня так, – прошипел зло Шаманов, – он нам уже не товарищ. Он свои дела крутит. Прямого начальника чужими руками в Холод отправить решил.

– Значит, нет?

– Значит да, – мысленно прикидывая последствия, отрезал Стен. – Только на моих условиях. Хм... А собственно чего ты ко мне пришел? Мог бы и сам все сделать.

– Хочешь верь, хочешь нет, но я хочу не хапнуть кусок побольше, а независимости Патры, – развел руками Макс.

– Кто хоть слово об этом говорил? Я??!

– Когда начинаешь бороться против системы можно сколько угодно заявлять, что не пойдешь дальше определенной границы. Исключительно легальные методы, – передразнил Геллер, – посмотрим, что ты запоешь, когда введут военное положение. Я хочу уничтожить протекторат. Ты говоришь легальным путем. Замечательно! Я с Лигой. Но это не выйдет без крови. Мятеж произойдет, без сомнений, рано или поздно. Еще убедишься. И я иду за тобой, потому что так будет, а ты в силах пробиться и повести за собой. И если для этого придется убить не только бандита, но и нормального человека – я это сделаю. Без вариантов. С твоего разрешения. Или без, – сказал почти без задержки.

– Макс, Макс... Ты меня пугаешь... Нельзя же так, – Стен беспомощно покачал головой не находя слов, – завтра я тебе покажусь неправильно действующим и ты меня грохнешь? Любой легальный процесс – процесс медленный. Вместо завоевания власти силой оружия я надеюсь получить на первом этапе самоуправление. И даже об этом пока помалкиваю на митингах. Это в далекой перспективе.

Он побарабанил пальцами по столу, не находя слов. Такое поведение пахнет серьезными заскоками. Пока на пользу, а потом?

– Пусть на то, чтобы победить по количеству голосов, понадобится больше времени, чем на то, чтобы расстрелять всех недовольных, но в конечном счёте, их же собственное правительство всучит нам в руки власть. При одном условии. Неприемлема любая религиозная, племенная и клановая вражда внутри Лиги. Мы одна организация с едиными целями! Иначе все впустую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.